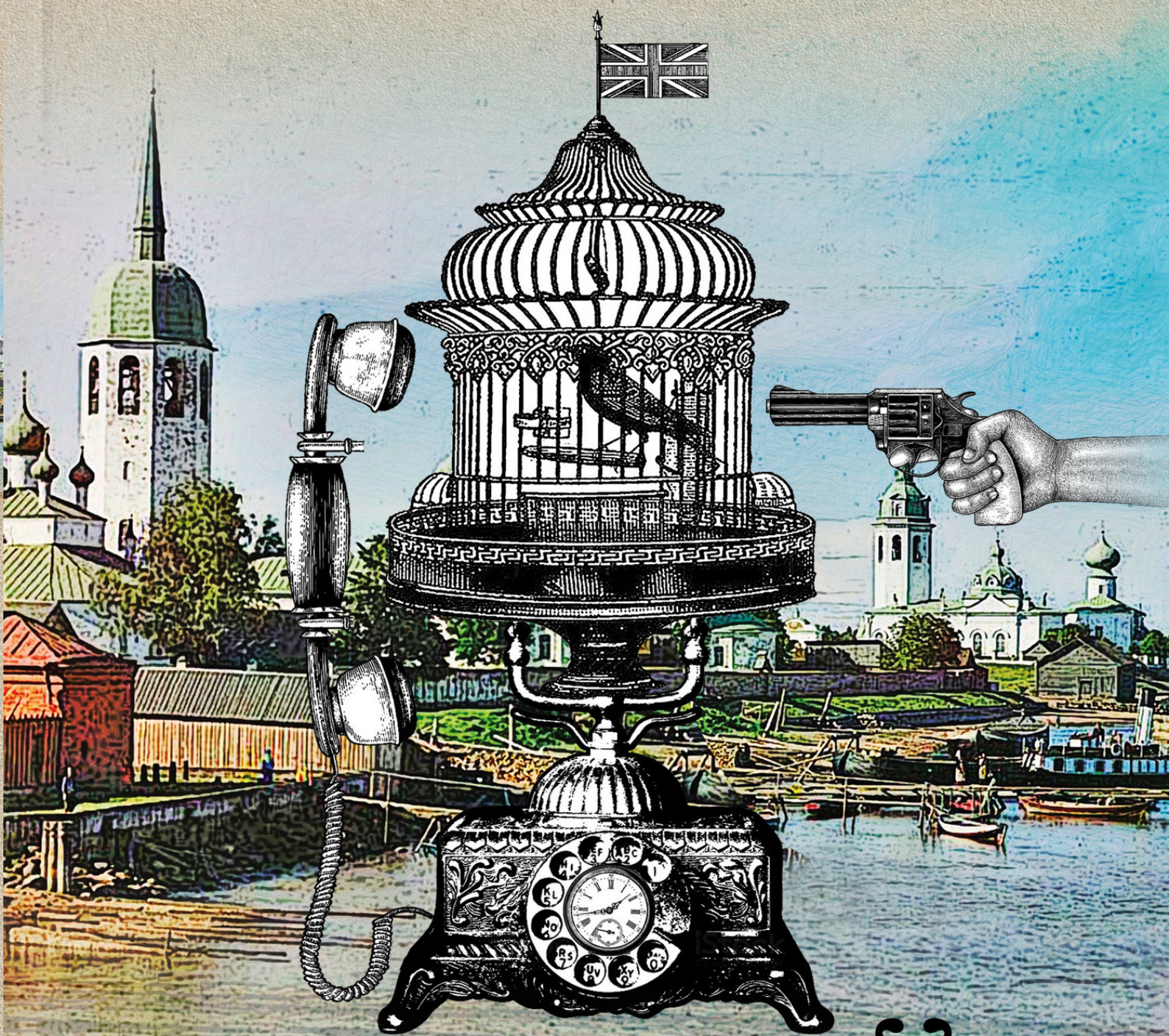

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

СЛУЧАЙ В СЕМИПАЛАТИНСКЕ

Сыщик Его Величества

Николай Свечин

Случай в Семипалатинске

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-321.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Свечин Н.

Случай в Семипалатинске / Н. Свечин — «Автор»,
2018 — (Сыщик Его Величества)

ISBN 978-5-04-100620-4

В Семипалатинске зарезан полицмейстер. По горячим следам преступление раскрыто, убийца застрелен при аресте. Дело сдано в архив. Однако военный разведчик Николай Лыков-Нефедьев подозревает, что следствию подсунули подставную фигуру. На самом деле полицмейстера устранили агенты британской резидентуры, которых он сильно прижал. А свалили на местных уголовников... Николай сообщил о своих подозрениях в Петербург. Он предложил открыть новое дознание втайне от местных властей. По его предложению в город прибыл чиновник особых поручений Департамента полиции коллежский советник Лыков. Отец с сыном вместе ловят в тихом Семипалатинске подлинных убийц. А резидент в свою очередь готовит очередную операцию. Ее жертвой должен стать подпоручик Лыков-Нефедьев...

УДК 821.161.1-321.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100620-4

© Свечин Н., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Убийство полицмейстера	5
Глава 2. По просьбе сына	9
Глава 3. Лекция барона Таубе	14
Глава 4. В пути	21
Глава 5. На пороге дознания	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Николай Свечин

Случай в Семипалатинске

Автор благодарит Булата Мукушева за помощь в написании этой книги.

Глава 1. Убийство полицмейстера

10 июля 1907 года полицмейстер Семипалатинска капитан Присыпин весь день был чрезвычайно занят. Сначала его долго держал вице-губернатор, потом привязался городской голова, потом пошли заседания в областном правлении. Вернувшись к себе, капитан начал прием, не успев даже попить чаю. Явилось полтора десятка просителей, как водится, со всякой ерундой. Иван Лаврентьевич всех рассудил и выпроводил, и уже уселся, наконец, чаевничать. Но тут ввалился пристав Второй части Чикрызов с жалобой на пристава Первой части Клещеева. Завязался длинный нудный разговор, с претензиями, намеками и недомолвками. Начальник выслушал и обещал принять меры, не уточнив, какие именно. Между двумя приставами еще с прошлого Рождества тянулась ссора из-за наградных. Чикрызов считал, что его обошли, и обвинял Клещеева в клевете.

Выпроводив раздраженного подчиненного, полицмейстер куда-то отлучился более чем на два часа. Потом, когда начали дознание, так и не сумели установить, куда именно ходил Присыпин. Факт тот, что он появился в управлении и велел дежурному городскому почистить его наган. Сказал: протри как следует, а то заржавел... Наган этот потом не нашли.

После обеда Иван Лаврентьевич разбирал почту, подписал несколько отношений, наведался в канцелярию. Пил чай на квартире, с супругой и дочками, часок полежал на диване. И опять ушел на службу. Жене сказал, что будет поздно, пусть его не ждет. Дошел до Клещеева, потолковал с ним о том, как успокоить Чикрызова. Решили, что надо дать ему к именинам усиленные наградные из сэкономленных средств. Затем полицмейстер вернулся к себе и сидел в кабинете до сумерек. А когда начало темнеть, надел шинель и вышел. Дежурному пояснил, что идет на встречу с осведомителем в Заречную слободу. Больше полицмейстера живым никто не видел.

Осталось неизвестным и как он добрался на тот берег. Днем через Иртыш переправляли на пароме-самолете, который ходил по мере надобности. Однако в ту ночь казаки, что держали паром, Присыпина не перевозили. Видимо, он нашел лодку. Заречная слобода считалась самым беспокойным местом в Семипалатинске. Обитали там преимущественно инородцы, хотя в последнее время начали селиться и русские. Отделенная от областной столицы широкой и стремительной рекой, слобода жила своей жизнью. Левый берег – это степь. Оттуда приходило главное богатство киргиз-кайсаков¹ – скот. Поэтому бойни, кишечные и салотопенные заводы, кожевенные и овчинные мастерские расположены были по большей части здесь. А власть, храмы, магазины, доктора и городовые – на правом, «чистом» берегу. Правда, в слободе стояла Никольская часовня, было на что перекреститься православному человеку. Только таких там жило немного, все больше мусульмане...

Полицейстера хватились утром следующего дня. Первой тревогу подняла жена: супруг так и не пришел домой, что было на него не похоже. Сначала Ивана Лаврентьевича искали как бы нехотя – вдруг где застрял и скоро сам объявится? Дежурный вспомнил про слободу.

---

¹ Киргиз-кайсаками в то время официально называли казахов (часто – просто киргизами). (Здесь и далее – примеч. автора.)

Послали человека на другой берег, тот обошел ее вдоль и поперек, все больше тревожась. А к полудню, когда стало ясно, что дело нечисто, капитана отыскиали. Заброшенное ветками ивы тело полицеймейстера лежало за постоянным двором Кудайбергенова. На нем насчитали шесть ножевых ран.

Убийство чиновника такого ранга – чрезвычайное происшествие в степи. Хищничают барантчи², по неистребимой здешней привычке. Воры в Семипалатинске есть, как и в любом городе, но людей они не режут, все больше тащат, что попадет под руку. Бандиты? Тоже есть, но с полицией они не связываются. Киргизы? А им для чего убивать полицеймейстера?

Вернувшийся из Омска³ губернатор Галкин приказал сыскать злодеев в кратчайшие сроки. Семипалатинская полиция впервые столкнулась с таким тяжким преступлением и сначала растерялась. И тут отличился помощник полицеймейстера сотник Забабахин. Сделавшись вдруг временно первым лицом, он развил бурную деятельность. Видать, хотел показать себя перед генералом и занять освободившуюся должность. Так или иначе, но убийцу Кузьма Павлович нашел за два дня. Проявил смекалку, какой никто от него не ожидал, и нашел.

Подсказкой сотнику послужили ивовые ветки, которыми забросали тело его начальника. Редко какой город столь же беден зеленью, как Семипалатинск. Не зря местные именуют его «чертова песочница». Песок тут повсюду, что на правом берегу, что на левом. Единственный городской сад скорее чахлый скверик, в котором страдает дюжина акаций. Настоящая зелень есть только на островах. Так семипалатинцы называют подлинны острова, до которых надо добираться по воде. А еще тем же словом именуют небольшие рощицы, что рассыпаны кое-где в пойме вдоль берегов Иртыша. Лишь там и можно было срезать иву, рассудил сотник. Он велел прочесать эти рощицы. И на Лодочном острове полицейские нашли свежую порубку.

Острова в основном поросли серебристым тополем, акацией и ивой. Другие деревья здесь и не выживали. Лодочный остров находился на западной окраине города, там, где протока Семипалатинка соединялась с Иртышом. Позади керосинного склада Мусина кто-то срезал десяток прутьев и унес с собой. Человек был тут вечером, передыхал или прятался поблизости, в каменоломне, а еще выкурил две самокрутки. Забабахин повел себя как заправский сыщик. Он обнюхал окурки, размотал остатки газеты, из которой они были свернуты, и установил: табак обычный, линейский⁴, а газета любопытная! «Туркестанские ведомости», свежие, за июль месяц. В городе таких раз-два и обчелся.

Сотник взял след и не сошел с него до самого конца. Быстро выяснив всех подписчиков, он расспросил каждого. Семипалатинская область не относилась к Туркестанскому генерал-губернаторству, поэтому чужие ведомости здесь читали немногие. А конкретно трое. Помощник командира резервного батальона подполковник Гештофт предъявил свой экземпляр целым и невредимым. Чиновник канцелярии областного правления коллежский асессор Бахвалов-Адуевский – тоже. А вот личный почетный гражданин Демокритов не смог.

Демокритов служил агентом Ярославско-Костромского земельного банка по приему в заклад недвижимых имуществ. В Семипалатинске четыре банка: Государственный, Сибирский торговый, Русско-Китайский и Волжско-Камский коммерческий. Все они представлены отделениями. А город необычный, торговля в нем развита как нигде. Вот ярославские костромичи и прислали своего агента. Аккуратный, ответственный, тот быстро вошел в здешнюю торгово-промышленную среду. И все было хорошо, пока неделю назад его не ограбили. К Демокритову в дом залезли неизвестные, дали по голове, забрали все ценное и ушли. В числе прочего прихватили и газетку «Туркестанские ведомости» за 8 июля: завернули в нее серебря-

² *Барантчи* – угонщик скота.

³ Семипалатинская область относилась к Степному генерал-губернаторству, столица которого находилась в Омске.

⁴ *Линейский табак* – низкосортный самосад, который выращивали линейные казаки Сибирского войска.

ные ложки. Верховодил бандитами хорошо известный полиции человек по кличке Вася Окаянный. Так ловкий сотник установил предполагаемого убийцу.

Вася Окаянный по паспорту звался Василием Кобытовым. Из казаков Сибирского войска, уроженец станицы Песчанской. Призвался, отслужил шесть месяцев и вдруг ударился в бег. Сначала был рядовым шильником, потом вдруг пошел в гору: сделался мазом шайки таких же, как он, дезертиров. У Василия открылись организаторские способности, и он нашел область приложения сил – стал промышлять на путях опиумных караванов.

Семипалатинск удобен не только для торговли кожами или зерном. Через него также везут в Россию опиум и гашиш. На западе полно мака вокруг Иссык-Куля, на востоке не отстают Китай. Дикой конопли тоже хватает. С начала века по стране быстро распространилась новая зараза. И стар и млад начали вдруг ходить в курильни. Завел моду Благовещенск, переняв у соседней Поднебесной. Тут же подтянулись Хабаровск и Владивосток. Очень скоро гнусные заведения захватили всю Сибирь, затем покорили столицы, портовые города, а следом чуть ли не уездные. Спрос рождает предложение. Караваны с маковой соломкой и нашой⁵ с двух сторон двинулись в Семипалатинск. Там отыскивались шустрые люди, которые сплавляли товар до Омска или Тобольска, хорошо на нем наживаясь. Как водится, это заметили уголовные и взяли промысел под свою руку. В городе ими заправлял Яков Жоркин, единственный на всю степь «иван». Беглый каторжник и тертый головорез держал штаб-квартиру в окрестностях Семипалатинска, где-то в Бельгагачской степи. Где именно, полиция прознать не смогла. Жоркин успешно конкурировал с таким же заводилой из туземцев Тохтоевым по прозвищу Алтынбек – Золотой Князь. Тохтоев грабил своих соплеменников, иногда цепляя и русских. Жоркин, найдя золотую опиумную жилу, бросил грабежи и сосредоточился на наркотиках. Два атамана поделили лужайку и жили без конфликтов, как вдруг появился Вася Окаянный. Он с ходу прибрал к рукам Майлигоринский тракт, западный, что ведет в Туркестан. И стал обирать иссык-кульских поставщиков опиума. Жоркин объединился с Алтынбеком и напал на логово соперника в поселке Стеглянском, в двенадцати верстах от Семипалатинска. Но бандиты получили отпор: одного батыра «окаянные» убили и двоих ранили. Дезертиры сбежали из армии с винтовками и просто расстреляли врагов издали; у тех имелись лишь револьверы. После этого вроде бы установилось затишье, но было ясно, что война продолжится, стороны копят силы. До полиции доходили отрывочные сведения, агентуру к бандитам внедрить не удалось. Капитан Присыпин намеревался прикрыть все шайки сразу. Готовил какую-то операцию, советовался с казаками, даже ездил на китайскую границу, в Зайсан. Там стоял Первый Западно-Сибирский стрелковый батальон, главная военная сила в области, и полицмейстер хотел привлечь стрелков к операции. Но не успел.

После открытий Забабахина начальству все стало ясно. Окаянный распоясался. Он узнал, что полицмейстер готовит облаву, и решил его опередить. Заманил в ловушку и убил, только вот неосторожно выкурил сигарку, свернутую из украденной газеты.

Губернатор, генерал-майор Галкин, был в ярости. Он уважал зарезанного капитана и теперь хотел мести. Сотник получил приказ достать Васю хоть из-под земли. Козырнул и ушел думать. У Окаянного была целая банда под рукой, все с ружьями. Как бы они сами нас не прикончили, хором заявили сотнику полицейские. Вам карьеру делать, а нам погибать? Лезть под пули дураков не было. Служба в тихом городе разбаловала людей, они забыли уже, как взводить курок револьвера. Но Кузьма Павлович велел не дрейфить. Сам он до этого успел повоевать с японцами и даже имел аннинский темляк на шашке. Смелый человек, обстрелянный. А теперь вдруг вышел на перспективную линию – мог скакнуть в начальники. Было понятно, что казак своего не упустит. Приличное жалование, казенная квартира и другие выгоды – кто от такого откажется? И Забабахин решился. Взял с собой пятерых городских, всех с боевым опытом,

⁵ *Наша* – анаша, гашиш (устар.).

и устроил засаду. Откуда-то он узнал (будто бы от агентуры), что Вася ходит по ночам в сартовскую столовую в Харчевном ряду. Сартов⁶ в городе было мало, но они славились торговой хваткой: держали лучшие постоялые дворы с буфетами, едальни-ашханы и лавки туземного товара. В заведении Улубекова собирались блатер-каины⁷, нечистоплотные купцы, барантаци, воры и играли там в железку. Притон, одним словом.

Сотник послал своих людей в столовую, а сам притаился у задней двери. Увидев наряд городских, атаман бросился бежать. Вылетел на двор, где Кузьма Павлович тут же его и пристрелил. Все заняло несколько секунд: бах-бах и готово.

Городовые перенесли тело бандита в харчевню и обыскали. В кармане нашли серебряный портсигар. Приметный такой, с двумя летящими утками, а в них целится охотник. Глазки уток сделаны из бирюзы, работа хорошая, тонкая. Это был подарок покойному Присыпину от городской управы на пятинадцатилетие службы в офицерских чинах. Все молча пустили портсигар по рукам. Утром сам губернатор передал его вдове. Дело было закрыто, отличившиеся получили награды.

---

⁶ Сартами в то время называли оседлое узбекское и таджикское, преимущественно городское, население, чьим основным занятием была торговля.

⁷ Блатер-каин – скупщик краденого, барыга.

Глава 2. По просьбе сына

Директор Департамента полиции Трусевич третий раз за день вызвал к себе Лыкова. Тот удивился – вроде бы на барственного шефа это было не похоже. Первые два разговора касались неоконченных дел, тянувшихся с командировки Алексея Николаевича в Ростов. Что там еще случилось?

Коллежский советник явился к директору и обнаружил у того в кабинете барона Таубе. Барон надел старшие ордена и даже привесил саблю с георгиевским темляком. На друга он смотрел не особо приветливо, всем видом показывая, что находится тут по делу.

– Вы ведь знакомы с его превосходительством? – кивнул на визитера Трусевич.

– С ихним превосходительством? Да, лет примерно двадцать семь, – не без иронии ответил Лыков.

– Тем лучше. Можно обойтись без лишних слов. Слушайте распоряжение. По просьбе военного министра Столыпин командировывает вас в Семипалатинск. Ступайте с генерал-майором Таубе к Редигеру⁸, там узнаете подробности.

– Слушаюсь.

Чиновник особых поручений не стал задавать вопросов и вышел из кабинета. За ним последовал и генерал.

– Что еще за фокусы? – недовольно спросил Лыков. – Не мог зайти и предупредить?

– Не сердись, – примирительно ответил барон. – Действовать надо быстро, поэтому я пошел по верхам. Тебе-то всегда успею растолковать. В дороге будет время подумать.

– Ты со мной едешь? – обрадовался сыщик.

Но Виктор Рейнгольдович открестился:

– Увы, меня не отпускают. Военному министерству понадобился сыщик, а не однорукий генерал.

Они вышли на подъезд. Там стоял новенький «рено», сверкая хромированными деталями.

– Богато живут военные, – констатировал Алексей Николаевич, располагаясь на заднем сиденье.

– Авто Редигера. Но к нему мы не поедem, это Трусевич пусть думает, что я повез тебя к министру. Александр Федорович уже дал необходимые распоряжения и бумаги, какие нужно, подписал. Дальше без него разберемся.

– Мы с тобой?

– Для начала да, – кивнул генерал-майор. – Но еще понадобятся разведчики. К самому главному из них мы с тобой и направляемся. Это подполковник Снесарев – слышал о нем?

– А то как же, – обрадовался Лыков. – Мне Николка в письмах одни дифирамбы ему поет. И умный, и порядочный, и четырнадцать языков знает, и даже песни исполняет не хуже, чем в императорской опере.

– Все верно, Снесарев такой и есть.

Таубе помолчал немного и продолжил:

– Вот ты сейчас упомянул своего сына, подпоручика Лыкова-Нефедьева. Николай числится в Первом Туркестанском стрелковом батальоне. А чем он на самом деле занимается, знаешь?

– У меня оба отпрыска пошли по твоим стопам. Из-за баек дяди Вити... Сбил ты их с панталыку рассказами про военную разведку, вот они и учудили. Павлука, слава Богу, здесь, сидит в Генеральном штабе, в секретном Пятом делопроизводстве, занимается Германией.

---

⁸ А. Ф. Редигер – военный министр в 1905–1909 году.

Подробностей я не знаю, он не рассказывает. Думаю, ты осведомлен лучше меня. А Николка, туркестанский житель, пребывает в знойном городе Джаркенте, в Семиреченской области, в тридцати верстах от китайской границы. Занимается той же разведкой. О службе его я знаю еще меньше, ибо в письмах о таком не пишут, а видеть я его не видел уже три года. Соскучился, сказать по правде.

– Скоро увидишь, – ошарашил папашу его товарищ. – И вообще, в Семипалатинск ты едешь по его предложению.

– Как так? Ну-ка давай рассказывай! – коллежский советник развернулся к генералу и даже схватил его за пустой рукав.

– Не успею, мы уже приехали. Айда к Снесареву, там все и узнаешь.

Они вылезли из авто на Дворцовой площади и вошли в здание Генерального штаба. Барон побежал по лестнице на второй этаж. Его товарищ, заинтригованный донельзя, едва поспевал за ним.

Скоро он знакомился с подтянутым моложавым подполковником, загорелым, седуусым, с прищуренными глазами. На кителе офицера были два знака: университетский и академический.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич. Позвольте так вас называть, не сочтите за фамильярность: много слышал о вас от Николая Алексеевича Лыкова-Нефедьева. Я старший делопроизводитель части третьего обер-квартирмейстера ГУГШ⁹. Проще говоря, мне подчиняются секретные делопроизводства Туркестанского фронта, Турецко-Персидского и Дальневосточного. То есть я руковожу всей нашей военной разведкой в Азии. Звать меня...

– Андрей Евгеньевич, – подхватил сыщик. – Знаю, поскольку тоже слышал от упомянутого вами господина насчет вас.

Все трое усмехнулись и, словно по команде, тут же посерьезнели. Снесарев усадил гостей в кабинете, плотно прикрыл дверь и начал:

– Упомянутый мною господин – очень способный офицер, вы вправе гордиться своим сыном. Как, впрочем, и вторым, Павлом Алексеевичем. Просто второй отстоит дальше от меня, ибо занимается европейскими нашими противниками. А Николай Алексеевич – мой ученик и отчасти сменщик. Англичане называют наше с ними многолетнее противостояние «Большой Игрой». Русские дипломаты именуют «Восточным вопросом». Суть от этого не меняется. С тех пор как Россия подчинила себе Туркестан, британцы напуганы. Им постоянно снится один и тот же кошмарный сон: будто бы русские полки спускаются с круч Гиндукуша в долины Кашмира. И сметают их владычество в Индии, поскольку местное население, конечно, поможет русской армии со всей душой...

– Простите, Андрей Евгеньевич, – перебил подполковника коллежский советник. – Прежде чем мы перейдем к делу, поясните одну вещь. Мой Николай служит три года и все еще подпоручик. Павел всегда был по сравнению с ним прохиндеем, но как-никак близнецы, вместе вышли в строй... Однако Павлука уже поручик и сидит здесь, смотрит в окошко на Зимний дворец. А Николка парится в Джаркенте. Почему так? В чем он провинился? Я спрашивал, но сын молчит.

Снесарев бросил быстрый взгляд на Таубе, прочел что-то на его лице и мягко ответил:

– Скоро у вас будет возможность спросить сына лично.

– Так и не скажете? – пробовал настаивать сыщик.

– Я скажу о другом. Николай Алексеевич имеет большие способности к разведывательной службе, и именно на востоке. А служба наша интересная и опасная, кого попало туда пускать нельзя. Я много лет там провел. Был обер-офицером для поручений штаба Туркестанского военного округа, командовал Сменным Памирским отрядом. Поверьте, вам нечего беспоко-

---

⁹ ГУГШ – Главное управление Генерального штаба (собственно Генштаб).

иться насчет сына, он занят тем делом, для которого рожден. И служит достойно. Все остальное – несущественные мелочи.

Таубе нетерпеливо цыкнул:

– Андрей Евгеньевич, переходите уже у сути. Времени мало, ему еще надо доехать...

– Слушаюсь, Виктор Рейнгольдович. Суть состоит в следующем.

Снесарев взял со стола исписанные листы бумаги, и Лыков узнал почерк сына.

– Три недели назад в Семипалатинске был убит полицмейстер капитан Присыпин. До Департамента полиции доходят такие происшествия?

– Доходят, – ответил сыщик. – К сожалению, после пятого года их стало много, и на все внимания не хватает. Я помню лишь, что убийца был обнаружен местной полицией и застрелен при аресте. Так, кажется?

– Да, это официальная версия, – подполковник недовольно нахмурился. – Которая устроила областные власти. Так бы все и закончилось, если бы не подпоручик Лыков-Нефедьев. Он заподозрил неладное, а именно, что полиции скормили подставного виновника. А настоящий убийца на свободе.

– Позвольте, – непроизвольно начал горячиться Лыков. – Убийство произошло в Семипалатинске. А Николай служит совсем в другой области и даже в другом генерал-губернаторстве! Его начальство сидит в Верном¹⁰ и в Ташкенте. Какое ему дело до происшествия? Пусть у Омска голова болит.

– Я ведь уже сказал вам: ваш сын занимается тем делом, для которого рожден. Уж простите мой пафос... Он начальник разведывательного пункта в Джаркенте. И в этом качестве одновременно ведет и разведку на сопредельной территории, и контрразведку на своей. Через Джаркент и Верный проходят не только торговые караваны, но и шпионские коммуникации. Прямоком в столицу. Промежуточным пунктом на их пути является Семипалатинск. Так быстрее всего достичь Петербурга. Николай Алексеевич вычислил это и договорился с полицмейстером Присыпиным о сотрудничестве. Они ловили вражеских агентов вместе, при полном взаимопонимании. Смерть Присыпина стала для вашего сына ударом, он лишился важного помощника. Так вот...

Снесарев опять глянул в донесение и продолжил:

– За несколько недель до своей гибели полицмейстер обнаружил в Семипалатинске резидентуру с активно действующим почтовым ящиком. Курьеры из Кашгара и Яркенда – это города китайской провинции Синьцзян – привозили секретные донесения сюда...

– Китайские шпионы в России? – не поверил Лыков. – Разве такое возможно?

– Шпионы, разумеется, не китайские, – ответил Снесарев. – В будущем они появятся, но пока таковых нет в природе. Шпионы британские. Присыпин выявил резидента, работавшего на Дехра-Дун.

Барон Таубе счел нужным пояснить:

– В Дехра-Дуне находится штаб-квартира Разведывательного департамента Британской Индийской армии, нашего главного противника по «Большой Игре».

Подполковник сделал паузу и продолжил:

– Резидентом оказался местный купец Каржибаев. Он держит контору по операциям с кожами и салом. Торгует со всеми, в том числе с Китаем, Тибетом, Индией, даже с Афганистаном и Персией. Большие обороты и, соответственно, большая переписка. Торговая, как мы раньше думали. Иван Лаврентьевич Присыпин совершил открытие большой важности. Он заподозрил Каржибаева в шпионской деятельности, а потом смог и доказать ее, перехватив

---

¹⁰ Верный (в советское время Алма-Ата, сейчас Алматы) – областной центр Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства, столица которого находилась в Ташкенте. Джаркент, в котором служил Н. Лыков-Нефедьев, – уездный город Семиреченской области. Семипалатинск же подчинялся Омску.

несколько секретных донесений. Наши дешифранты прочли их. Речь шла о дислокации войск в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах. Очень точные, кстати сказать, донесения. Каржибаев создал сеть из неподвижных агентов на всей территории Восточного Туркестана. В обоих генерал-губернаторствах, и на границе, и внутри русской территории. Вот так. Целая сеть! А мы ее просмотрели.

Лыков слушал внимательно и ждал, когда же разговор дойдет до его сына. Все это казалось ему каким-то нереальным. Николка, которого он помнил сначала ребенком, потом нескладным подростком, теперь офицер и занят опасными и секретными делами большой важности. Как летит время!

– Ваш сын прислал мне рапорт. Мы с ним при необходимости переписываемся напрямую, минуя штаб округа. Подпоручик изложил важные сведения. За три дня до гибели капитана он посетил Семипалатинск. И Присыпин сообщил ему о своих подозрениях. Каржибаев почувствовал, что раскрыт. Он спешно выехал в Павлодар и там исчез. Его люди на время притаились. Но капитан заагентурил одного из них и узнал, что пришла команда ликвидировать полицмейстера. Причем сделать это так, чтобы подумали на обычное уголовное преступление. Понимаете, к чему клоню?

Алексей Николаевич кивнул:

– Еще бы. Значит, так вы узнали, что убийство Присыпина – это инсценировка?

– Да, из рапорта вашего сына, – подтвердил разведчик. – Но, когда он приехал с этими сведениями в Семипалатинск, дознание уже было завершено. Бандит, объявленный главным виновным, лежал в земле. Полицейские, которых провели за нос, пропивали наградные. И Николай Алексеевич решил, что так оставить дело нельзя, надо найти истинных убийц. Но сначала усыпить их бдительность. Для видимости принять официальную версию, а новое дознание открыть секретно. Поскольку в полиции Семипалатинска нет сыскного отделения, и состав ее слабый... Словом, Николай Алексеевич предложил поручить дознание опытному сыщику из столицы. А именно коллежскому советнику Лыкову.

«Опытный сыщик» понял общую ситуацию, но ждал деталей. Снесарев покосился на него и завершил свой рассказ:

– Дальше все просто. Я вошел с рапортом к генерал-квартирмейстеру ГУГШ Алексею. И одновременно сообщил о произошедшем Виктору Рейнгольдовичу. Он сейчас преподает в академии и к разведке формально отношения не имеет. Но все действующие офицеры секретной службы его ученики. А все генералы – сослуживцы. Авторитет барона Таубе таков, что сами понимаете... Короче говоря, идея подпоручика Лыкова-Нефедьева была доложена военному министру. Редигер сегодня переговорил со Столыпиным, тот как министр внутренних дел дал согласие. В результате вы, Алексей Николаевич, скоро встретитесь со своим сыном, которого не видели три года.

Снесарев перевел дух и посмотрел на Таубе: как я, а? Тот одобрительно кивнул и обратился к товарищу:

– Ты чего? Как будто не рад повидаться с Чунеевым?

– С каким Чунеевым? – не понял подполковник.

– Таково семейное прозвище Николая Алексеевича с детских лет. А у его брата Павла Алексеевича – Брюшкин.

Барон продолжил, глядя на друга с легкой усмешкой:

– Ну, опытный сыщик, все уяснил? Срочно выезжай в Семипалатинск, времени у тебя в обрез. Николка ждет, он тебя там встретит. Поучишь его жуликов ловить, в разведывательном деле эти навыки полезны.

– Как-то оно все неожиданно... – пробормотал коллежский советник. – Вот уже и собственный сын распоряжается моим служебным временем. Подпоручик, ниже некуда, а поди ж ты, достучался до военного министра и премьера. А государю он еще советов не дает?

Снесарев бесстрастно сообщил:

– Сегодня утром военный министр доложил об идее Лыкова-Нефедьева Его Величеству. Тот устно одобрил предложение подпоручика.

Сыщик молча развел руками, потом сказал с едва заметным сарказмом:

– Ну, раз так, деваться некуда, надо ехать.

– Что нужно от нас? – заговорил Таубе. – Когда окажешься там, поздно будет спрашивать, спрашивай сейчас.

– Обрисуйте мне общую обстановку, – попросил сыщик. – В степи спросить не у кого, разве у тушканчиков. Говорят, мы с англичанами готовимся подписать договор о полном примирении. Верно ли это?

Снесарев хотел было ответить, но передумал. Он кивнул на барона:

– Пусть ваш товарищ расскажет, он все же генерал. И раньше меня начал заниматься «Большой Игрой».

Глава 3. Лекция барона Таубе

Таубе расправил усы и начал издали:

– Ты немного в курсе истории. Помнишь, покойный государь лично послал меня на Памир? То был один из периодов обострения наших отношений с Британией. Чтобы ты знал, за последнее время мы с ними трижды стояли на пороге войны.

– Даже так? – удивился Лыков. – И прямо всерьез могли начать резать друг дружку?

– Вполне могли. Слава Богу, обошлось, отчасти потому что мы немножко пасовали перед англичанами. И наши дипломаты были против силовых вариантов, всегда готовые сдать назад... Первый раз случилось в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году. Тогда неожиданно скончался Якуб-бек, сильная личность, создатель большого государства Йеттишар. Его империю тут же растащили, больше всех постарались китайцы, но и англичане своего не упустили. Мы остались с носом и, обидевшись, вздумали махать кулаками. В результате нам отошла-таки большая часть Памиров, но едва не случилась первая война.

Второй раз порохом запахло спустя семь лет, в восемьдесят пятом. У нас были уже другой государь и другой министр иностранных дел. Провокатором выступил Афганистан, который науськивали британцы. Россия не могла поделить с ним жалкий оазис Пенде, населенный уже покоренными нами туркменами. Афганцы тоже на него претендовали – и получили по шапке. В сражении при Таш-Кепри русские войска под командой Комарова нанесли им серьезное поражение и выкинули со спорных территорий. Все бы ничего, выкинули и выкинули, но наши пошли дальше. Вспыхнул мятеж в Бадахшане, даннике афганского эмира Абдура Рахман-хана. Мятеж возглавил собственный его кузен. Он обратился за помощью к туркестанскому генерал-губернатору, им тогда был идиот барон Вревский. Барон послал к бунтовщикам эмиссара, подполковника Громбчевского. Этот человек не идиот, он опасный авантюрист и, возможно, глубоко законспирированный британский агент. Громбчевский зачем-то заехал еще и в отстоящее от Бадахшана горное княжество Гундза. Где наобещал его правителю Сафдару Али-хану помощь от России – оружием, инструкторами и золотом. Не имея на это никаких полномочий от начальства.

Лыков перебил друга:

– Это не тот ли Громбчевский, который передал британскому разведчику... как его?

– Френсис Эдуард Юнгхесбенд¹¹.

– Да, Юнгхесбенду нашу секретную карту разграничения Памиров? И настропалил китайские власти требовать себе больше земель, чем полагалось им по праву¹².

– Тот самый.

– А почему мы не сослали этого негодяя на каторгу? Или хотя бы не выгнали со службы?

Таубе пожал плечами и сказал в утешение товарищу:

– Мы его выгнали... два года назад. В чине генерал-майора и с усиленной пенсией. Сейчас господин Громбчевский пребывает за границей. А тогда не решились бросаться такими людьми. Все-таки Бронислав Людвигович сделал себе имя как исследователь и путешественник, он награжден Золотой медалью Императорского Русского географического общества. Воевал, брал штурмом Самарканд, был начальником памирского населения. Строил стратегическую колесную дорогу из Ферганской долины в Алайскую, а это было делом огромной важности для нашей обороны Туркестана. Черт его знает, что за человек Громбчевский. У него много и заслуг. Так или иначе, тогда, в восьмидесятых, хитрый поляк подбил владельца Гундзы проситься к нам в вассалы. Британцы отнеслись к случившемуся со всей серьезностью. Это

---

¹¹ В современной транскрипции принято писать Янгхазбенд.

¹² См. книгу «Между Амуром и Невой».

горное княжество – лишь маленькая точка на карте Тибета, но через него можно проникнуть в Индию. В результате они оккупировали Гундзу и присоединили ее к Раджу.

Снесарев счел нужным встрять и пояснил сыщику:

– Радж – это те шестьсот с лишним формально автономных государств Индостана, которые якобы управляются магараджами, наследственными владельцами. А на деле – британскими политическими агентами.

Таубе продолжил:

– И вот, когда британцы захватили княжество, они обнаружили во дворце Сафдара всю его переписку с русскими. Вревский с Громбчевским такое там наваракали! Как готовить мятеж, как вести диверсии против англичан... Это был сильный щелчок по носу нашей военной разведке. Тогда, в конце восьмидесятых – начале девяностых все шло к настоящей полноценной войне. В Туркестан тайно прибыл Дулеп Сингх, сын правителя Пенджаба Ранжит Сингха, с письмом государю. Главный пенджабец призывал Александра Третьего ни больше ни меньше как вторгнуться в Индию. А он, этот сингх, обещал собрать триста тыщ войска от себя и других раджей, которые все как один ненавидят колонизаторов...

– А хорошо было бы так сделать, разве нет? – оживился Лыков.

Разведчики переглянулись. Снесарев осторожно сказал:

– Алексей Николаевич, а зачем нам Индия? Со своими бы делами разобраться... Вон у меня в Воронежской губернии через год недород, дороги ужасные, больничка земская прозябает, школьные учителя живут на копеечное жалование. Будем еще и Индию на свой кошт брать?

– Индия богатая, англичане оттуда черпают будь здоров, – упрямо возразил сыщик. – Разве не так?

– Это вы в газете прочитали?

– Ну да. А теперь мы будем черпать.

– Англичане довели Индию до нищеты. Они ее грабят без устали с позапрошлого века. Мы же так делать не будем, это противно русскому духу. В результате получится, как с Туркестаном.

– А что с Туркестаном?

– Его присоединили к России сорок лет назад. И с тех пор это дыра в бюджете, которую не удастся закрыть. Так же и с брахмапутрами выйдет!

– Хм... Виктор, валяй дальше.

– Продолжаю, – отозвался Таубе. – Англичане опять толкали впереди себя афганцев, и опять кончилось кровью. В девяносто первом году Ионов, который сейчас губернатор Семиреченской области, арестовал и выдворил с русского Памира настырного шпиона, уже упомянутого Юнгхесбенда. А потом около озера Яшиль-Куль разгромил афганский пост, который сунулся на нашу территорию. Погибли капитан, начальник поста, и пять его подчиненных, остальные сдались в плен. В завершение Ионов выкинул с Памира нагло залезших туда китайцев и оставил эти горы за нашей короной.

– Выкинул – это как?

– Да взял за шкуру и...

– А так, по-твоему, можно?

Опять влез подполковник Снесарев:

– Знаменитый Пржевальский, тоже военный разведчик, порол китайских чиновников нагайкой.

– И это правильно, вы полагаете?

– На востоке иначе никак, Алексей Николаевич. Вы же сами там бывали, все видели. Уважают только силу.

Лыков несогласно покрутил головой, но спорить не стал. Генерал продолжил:

– Тогда атмосфера накалилась. Выдворение Юнгхесбенда было задним числом одобрено государем, британцы надулись, и казалось, вот-вот начнется война. Но помог случай. Незадолго до этого мне удалось выкрасть секретную книгу Макгрегора «Оборона Индии». Тот был генерал-квартирмейстером Британской Индийской армии, главным разведчиком, стало быть. И большим русофобом. Макгрегор без стеснений написал в своем опусе, как он собирается вредить России. Не рассчитывал, бедолага, что сей труд ляжет на стол Александру Третьему. Когда государь прочитал откровения генерала, то был в гневе. Там были, например, такие слова: «Не может произойти настоящего решения русско-индийского вопроса, доколе Россия не будет выбита из Кавказа и Туркестана».

– Даже так? – возмутился Лыков. – А Тамбов с Петрозаводском не очистить? Для удовлетворения макгрегоров...

Разведчики хмыкнули, и барон продолжил:

– В результате британцы оконфузились, генерала потихоньку спровадили в отставку и вообще... остудили пыл. Англичане, да будет тебе известно, делятся на две партии. Есть форвардисты, они за наступательную политику в Азии. А есть инактивисты, которые за искусное сдерживание. В девяносто третьем году к власти вернулся инактивист, лорд Гладстон, сторонник замирения с Россией. И в отношении Памиров была достигнута договоренность. Более или менее она устроила всех. Мы оставили за собой большую часть горной страны. Англичане за счет Ваханского коридора создали пояс безопасности, отделив нас от Индии узкой полосой, подаренной афганцам. Китай окончательно утвердил за собой Синьцзян. И сомкнулся с Афганистаном, который зафиксировал свою восточную границу. Мы обязались не занимать перевалы через Гиндукуш, наши посты теперь находятся на внутренних скатах пограничных хребтов. От кишлака Наматгут в русском Вахане до перевала Шит-рака в Восточном Гиндукуше – по нему проходит индо-афганский рубеж – всего двенадцать верст. Один день пешего перехода. Это и есть расстояние, отделяющее нас от «жемчужины британской короны».

– И с тех пор тихо? – не поверил Лыков.

– Внешне приличия соблюдались, но «Большая Игра» никуда не делась. Помнишь восстание в Андижане в тысяча восемьсот девяносто восьмом году? Его подстроили британские агенты. Мы в ответ учинили заварушку в подконтрольном им Вазиристане. Так и вредили друг другу потихоньку, пока не началась война с японцами. В этой кампании Альбион поддержал микадо. Напряженности в отношениях добавил Гульский инцидент¹³. В результате Британия под угрозой начала военных действий запретила нашей Черноморской эскадре выход через Проливы. И та не сумела помочь адмиралу Рождественскому.

– Тем самым англичане спасли ее от гибели, – сердито возразил сыщик. – Им за это спасибо сказать надо! А то косоглазые еще и черноморцев бы утопили.

Военные скривились, но спорить не стали. Возможно, потому, что в душе были согласны с Лыковым.

– Пальба у Доггер-банки еще и потому так аукнулась, что наложила на обострение отношений двух держав из-за Тибета, – продолжил свой рассказ Таубе.

Снесарев сделал генералу предостерегающий жест, но тот отмахнулся:

– А! Все равно сын ему расскажет при встрече. Дело в том, Алексей Николаевич, что Николай участвовал в той операции. Она, конечно, совершенно секретная, но не от тебя. Так и так узнаешь от Чунеева. Слышал о том, что наши правители в начале века решили отхватить себе Тибет?

---

¹³ *Гульский инцидент* – обстрел кораблями Второй Тихоокеанской эскадры британских рыбаков, суда которых, согласно общепринятой версии, русские ошибочно приняли за японские миноносцы. Инцидент произошел в ночь на 8 октября 1904 года по пути следования эскадры на Дальний Восток, в Северном море у Доггер-банки. В результате погибли два рыбака, шестеро были ранены. Потоплена одна шхуна, и пять получили повреждения. Инцидент привел к крайне резкому обострению русско-британских отношений.

– Нет.

– И сын не информировал?

– Нет. Говорю же, я не видел его три года, а в письмах он ничего подобного не сообщает.

– Правильно делает. Так вот. Тибет как государство формально вассал Цинской империи¹⁴. Но управлять им по-настоящему китайцы не могут, силенок не хватает. Управляет Далай-лама Тринадцатый. Какому-то умнику в царском окружении, я до сих пор не знаю, кому именно, стукнуло в голову прибрать эти дикие места к рукам. И в тысяча девятьсот первом году к ламе отправился русский военный караван с оружием и подарками. Санкционировал операцию лично государь. Есть некто Доржиев, бурят, буддист и крупный чиновник в теократическом государстве Тибет. Он убедил Его Величество, что Белый Царь избавит Тибет от китайского ига. Имеется в горах такая легенда, и Доржиев решил ее обыграть. Стороны уже начали готовить соглашение о переходе под нашу корону. Прибыли и военные разведчики во главе со штабс-капитаном Козловым. Козлов – выдающийся исследователь Восточного Туркестана, ученик самого Пржевальского... Правда, в столицу, Лхасу, их не пустили, но квартиры поблизости отвели. А в Тибете богатые месторождения золота и нефрита. Ну и Радж под боком. Узнав о нашей инициативе, всполошились не китайцы, а британцы. И быстренько прислали войска и оккупировали большую часть страны. Руководил акцией все тот же Юнгхесбенд, будь он не ладен. Далай-лама сбежал в Ургу. Британская пресса подняла неслыханный вой: русские открыли в Лхасе пушечный завод, завалили горы оружием, готовят военный поход... С Тибетом насильно подписали соглашение: огромная контрибуция, запрет на внешние контакты, открытие представительства Раджа и все в таком духе. Англия стала там полностью распоряжаться в обход формального сюзерена Китая. Тут еще сдурил Корнилов, тогда подполковник, который сунулся в Индию инкогнито. Нашел время!

– Лавр Георгиевич? – оживился сыщик. – Я встречался с ним в Ташкенте, когда он был еще поручиком.

– Тот самый. Пролез без разрешения британской администрации в Бомбей, а там его опознали. Пришлось Лавру записываться на прием к президенту в Бомбее Джентеру, и просить дозволения на проезд. Сэр Арчибальд разрешение дал, но и меры принял. В итоге Корнилова в Пешаваре обокрали, утащили весь багаж, а заодно и разведывательные материалы. Вернулся в Отечество в одних портках...

– А чего бы добился Корнилов, получи он разрешение заранее? – резонно, как он полагал, спросил Лыков. – Британцы глаз бы с него не спускали.

– Это как себя поведешь. – Таубе кивнул на Снесарева: – Андрей Евгеньевич за два года до этого тоже посетил Индостан. Чин чином, с ведома и согласия властей. Обаял всю Калькутту, пел романсы вице-королю Индии лорду Кёрзону, а в перерывах между светскими раутами трудился. Ревизовал агентурную сеть, созданную мною много лет назад, а также приобрел несколько новых агентов. И ребята ничего не сумели ему противопоставить.

Лыков посмотрел на подполковника по-новому, но спросил о своем:

– А что мой сын? Ты сказал, Николка был причастен к вашим шпионским безобразиям.

– Сейчас дойду и до него, – пообещал генерал-майор. – Я рассказывал про захват Тибета. Так вот, другие великие державы объединились против британцев: уж очень нагло те действовали и пролили много крови. И к тому же в Лхасе никаких русских пушечных заводов, разумеется, не нашли, это была обычная газетная ложь.

В итоге вышел скандал, к которому приложила руку и русская дипломатия. В кои-то веки у Певческого моста хватило духу пожурить Уайтхолл¹⁵. Британцам пришлось очистить Тибет и вернуть формальный контроль над ним китайцам. Правда, они оставили себе широкие ком-

---

¹⁴ Цинская империя – Китай.

¹⁵ Уайтхолл, Певческий мост – неофициальные названия дипломатических ведомств России и Великобритании.

мерческие предпочтения, но в целом проиграли партию. В отставку вылетели и Юнгхесбенд, и даже сам Кёрзон. Как шутку сообщу, что вице-короля обвинили «в копировании неприемлемых методов российской дипломатии».

Вот такой был расклад в «Большой Игре» к концу войны с японцами. То мы англичан, то они нас... Как только захватчики очистили Лхасу, туда сразу же проник наш человек, подъесаул Уланов. С ним были еще россияне из калмыков: даосский военный священнослужитель Ульянов и урядник Шарапов. Но китайцы приняли меры. Подъесаул в дороге заболел какой-то загадочной болезнью и умер. Шарапов уже в Лхасе выпал из окна и покалечился... Остался один Ульянов. Он навел-таки мосты с заместителем Далай-ламы Голданом Тива-Рамбуче. Тот заявил, что народ Тибета ненавидит и англичан, и маньчжуров, потому готов переметнуться куда угодно. Сам Далай-лама Тринадцатый, напомним, пережил войну в Урге, в обществе Доржиева. К нему прибыл уже упоминавшийся Козлов, речь снова шла о переходе Тибета под российский протекторат. Разведчики поддерживали постоянную переписку между собой, а значит, и между двумя ламами. Решался важный вопрос: быть ли Тибету нашим. Ключевым звеном той переписки являлся третий человек, паломник, обосновавшийся на севере Тибета. Это и был твой Николай. Четыре месяца он провел в горах, в постоянной опасности, что его обнаружат или британцы, или китайцы. Но обошлось.

– Погоди, – перебил генерала коллежский советник. – Нельзя так долго выдавать себя за паломника. Тебя же раскроют! Надо знать обычаи, язык, уметь не выделяться...

– Николай Алексеевич все это умеет, – пояснил Снесарев. – А к языкам у него вообще способности не хуже моих. Четыре уже знает в совершенстве и учит пятый. А может, шестой.

– Четыре?

– Вспомнил: пять!

– Хм.

Таубе успокаивающе махнул рукой:

– Я уже заканчиваю свой доклад. Тебе важно знать, что с Тибетом у нас ничего не вышло. Мы сдали далай-ламу с потрохами. После отставки Ламздорфа пришел новый министр иностранных дел Извольский и отменил всю авантюру к чертовой бабушке. Правильно сделал. В результате Далай-лама Тринадцатый вернулся в Лхасу, а мы за его спиной впервые договорились с Уайтхоллом о взаимных уступках.

– Я запутался в твоих ламах и сингах, – признался Лыков. – Для чего мне все это? Голова уже разболелась.

– Это с непривычки. Занимаешься там у себя в полиции всякой ерундой. А в военной разведке не так. Ты ведь спросил час назад, как у нас теперь с англичанами, помнишь?

– Ну, помню. Ответь по-человечески. Час уже напрягаешь мою слабую голову...

– Отвечаю: теперь мы на стадии подписания всеобъемлющего соглашения. Стороны вдруг спохватились и резко поумнели. Решили не собачиться, а дружить. Особенно после того, как мы прокатали далай-ламу на вороных с бубенцами. Секретные переговоры идут с июня прошлого года. В ноябре они прервались, в марте возобновились. Уже готова двусторонняя конвенция по Афганистану, Тибету и Персии. От Афганистана нас отлучили. Мы не можем вести с ним переговоры напрямую, а только при посредничестве Англии. Притом что имеем с этой страной общую границу длиной две тысячи верст! Тибет оставили за Китаем. А Персию поделили на зоны влияния: нам север, британцам юг, в середине – ничейная зона. Но, каковы бы ни были итоги соглашения, самые сложные вопросы в нем разрешены. Другие оставлены на потом. В частности, признаны права России на Проливы. Хотя оформление этого пункта и отложено, как и вопрос с Монголией. Еще две-три недели, и соглашение будет подписано. Оно завершит многолетнюю эпопею англо-русского противостояния в Азии. В бумаге нет ни единого слова про Индию. Но весь договор только об этом: как защитить подступы к ее границам. Ведь Британия больна, она страдает в Индии манией преследования в тяжелой форме. Что

вполне объяснимо. Только владение этой чудесной страной сделало остров великой державой, без нее англичане никто. Триста миллионов жителей! Пятая часть населения всего земного шара. Вот ребята и суетятся. Обезопасили границы и теперь пытаются спешно с нами подружиться.

– С чего это вдруг? – спросил сыщик. – Англичанка всегда нам гадила, по выражению политиков из Охотного ряда. И вдруг мир. Даже скучно станет: жалко лишаться такого соперника. А как же сон про русские полки, спускающиеся с Гиндукуша?

– Вторжение в Индию с северо-востока невозможно, – подал голос Снесарев. – Лишь небольшие диверсионные отряды могут форсировать перевалы, и только три месяца в году. Горные хребты непроходимы для больших масс войск и тем более для артиллерии. Полноценное вторжение реально лишь с запада, через Персию и Герат.

– И англичане наконец это поняли? Спустя сто лет?

– Да, – серьезно ответил подполковник. – Есть и другие соображения.

– Вы имеете в виду германцев? До Альбиона дошло, что скоро им резаться с ними, и срочно понадобилась Россия?

– Вы правы, Алексей Николаевич.

– Столь нехитрая мысль, лежащая на поверхности, очень долго доходила до британского ума. Отчего?

– Другая мания мешала, мания величия. Тут вдруг германский флот сильно прибавил. Торговые конфликты за рынки сбыта обострились. И еще Бьёркский договор очень их напугал.

Все трое хорошо знали эту странную историю. В июле 1905 года в шхерах на борту императорской яхты «Полярная звезда» был подписан необычный договор. Германский кайзер Вильгельм Второй убедил российского императора Николая Второго подмахнуть бумажку. Не глядя. В той бумажке было всего четыре пункта, но каких! Россия с Германией обязались помогать друг другу в случае, если на кого-нибудь из них нападет третья европейская страна. Учитывая, что Россия уже была связана подобным договором с Францией, бумага явно целила в англичан. А те имели схожие обязательства в отношении Франции. Завязывался такой клубок противоречий, все сразу сильно запутывалось в европейской политике. Больше всех от Бьёркского договора выигрывала Германия, а меньше всех Россия. Как мог царь уступить кайзеру, известному интригану и провокатору? В тот момент Николай был на борту один, без своего министра иностранных дел. Когда граф Ламздорф увидел уже подписанный договор, то схватился за голову. И вместе с Витте убедил самодержца отказаться от обязательств. Формально они остались в силе, но с оговоркой: при условии, что к ним присоединится Франция. Чего, разумеется, не могло случиться. История эта очень повредила репутации Николая в международных кругах.

– Эх... – Снесарев вздохнул и сказал с тревогой: – Боюсь я нашей дипломатии. Так они обрадуются, что англичане приняли их за ровню, что согласятся на все. До сих пор мы готовились таскать каштаны из огня ради французов. Без нас им Эльзас и Лотарингию не вернуть, и мы вступили в военный союз. Теперь присоединятся островитяне, и все против той же Германии. Зачем нам такие комбинации? Что мы получим взамен? Проливы? А на кой пес нам право выхода из Черного моря в Средиземное? Оно такое же замкнутое, из него только две двери – через Гибралтар и через Суэцкий канал. И обе заперты на английский замок.

Лыков уже слышал подобные рассуждения от Таубе и во многом разделял это мнение. Но он попробовал раззадорить подполковника:

– Немцы тоже нам не товарищи. Посмотреть, как они себя ведут, так ну их к черту.

– В политике дружбы не бывает, а есть лишь расчет, – парировал Снесарев. – Давайте рассуждать. Мы нужны французам для того, чтобы заставить Германию воевать на два фронта. Больше ни для чего. Поэтому они так охотно дают нам займы.

– А мы?

– Алексей Николаевич, а зачем нам воевать с немцами? У нас с ними есть территориальные споры?

– Вроде нет.

– Вот. Французы делят с ними утраченные во франко-прусской войне провинции. Англичане – мировой океан. А мы? Вы хоть понимаете, что военный союз Германии и России непобедим?

– Вы, Андрей Евгеньевич, выступаете за такой союз?

– Да нет же! Германцы нам тоже не товарищи, согласен. Но и не враги. Я выступаю за нейтралитет. Пусть эти ребята дерутся, а мы поглядим. Не готова Россия к войне, это ее погубит. И вообще, худший враг России – это мы сами...

Таубе, молча слушавший спор, вмешался:

– Берлин мог бы как-то ужиться с нами, но не Вена. Мы неизбежно столкнемся с ней на Балканах. К сожалению, к большому моему сожалению, европейская война неизбежна. Турция разваливается на глазах. Когда она начнет сыпаться, налетят падальщики. И Россия будет в первых рядах. Давно еще генерал Фадеев сказал: «Путь на Царьград лежит через Вену». Поэтому я за союз с англичанами. Даже вдвоем нам трудно придется в будущей войне против тевтонов.

Снесарев хотел возразить, но барон красноречиво показал на часы:

– Андрей Евгеньевич, ему завтра ехать. А мы про высокую политику. Давайте конкретные вопросы решать, а языками почешем, когда Лыков вернется.

– Погодите, господа шпионы, – поднял руку сыщик. – За лекцию спасибо, хотя, как мне кажется, я мог бы без нее обойтись. Скажите кратко: «Большой Игре» конец? А как же агентства, резиденты, разведывательные департаменты? Договор сделает их ненужными?

«Господа шпионы» хмыкнули. Снесарев ответил за обоих:

– Черта с два! «Большая Игра» перейдет на другой уровень, еще более законспирированный. Политики станут журчать друг другу медовые речи. А мы, военные, удвоим осторожность. Или устроим. Суть останется прежней: кто кого перехитрит.

Далее начался конкретный разговор: способы связи, полномочия, союзники. Из Семипалатинска в Петербург за советом не съездишь. Все придется решать на месте, а интересы военного ведомства Лыков представлял себе плохо. Еще он спросил, в какой мере может опираться на губернатора. Таубе пояснил, что генерал-майор Галкин – старый разведчик, в свое время он был делопроизводителем Азиатской части ГУГШ. На востоке давно, в секретных делах поднаторел и всегда поможет сыщику. Правда, у генерала сейчас в семье горе – умирает жена... Но службу Александр Семенович не забрасывает, выучка не та. Барон напишет ему письмо, которое надо взять с собой.

Лыков поинтересовался, что с военным губернатором соседней Семиреченской области. Ведь формально Николка служит под его командой, а не Галкина. Там начальствует знаменитый Ионов, герой многих передраг, создатель знаменитого Памирского отряда, ответил барон. Такой тоже не подведет. Но на всякий случай и к нему будет письмо. Михаил Ефремович – старый боевой товарищ.

Вечером коллежский советник огорошил жену новостью о своем отъезде. Требовалось спешить. Утром следующего дня Лыков выписал бесплатный билет до Омска. Телеграфировал сыну в Джаркент, чтобы встречал его там через четыре дня. Судя по карте, от Омска до Семипалатинска они будут добираться пароходом, вверх по Иртышу. Это еще почти неделя. И лишь по прибытии сыщик сможет заняться своим поручением, да к тому же – в первые дни – втайне от местных властей. Трудная задача, и времени после убийства полицмейстера пройдет уже много. Но если сын приказал, деваться некуда...

Глава 4. В пути

Лыков впервые в жизни ехал по железной дороге так далеко на восток. Первый класс предоставлял все необходимые удобства: умывальник и уборная прямо в купе, был еще вагон с душем. В ресторане все вкусное и свежее. Попутчик, правда, попался неприятный – чиновник Главного тюремного управления. Он направлялся в Забайкалье ревизовать каторжные тюрьмы. Самодовольный и пустой человек, быстро понял Алексей Николаевич. Такие на местах начинают важничать, а тюремную администрацию в грош не ставят. Ну да шут с ним...

После Челябинска началась уже Сибирь. На западе она унылая, некрасивая, и никакого величия в ней нет. Промелькнули Курган и Петропавловск, города, которые подняла из грязи чугунка. Лыков начал потихоньку собирать вещички.

Поезд подошел к станции Медвежья, что в семидесяти семи верстах за Петропавловском. Место было незначительное, в утреннем тумане виднелись какие-то деревянные балканы. Долго ли еще тащиться до Омска? На стоянку в Медвежьей отводилась четверть часа. Лыков как раз закончил завтрак и хотел пойти на перрон, но не успел. Дверь без стука открылась, и вошел азиат. Молодой, одетый в суконный кафтан, с большим малахаем на голове. Глаза настороженные, лицо скуластое, нос уточкой. Не здороваясь, он молча смотрел на пассажиров, переводя взгляд с одного на другого.

– Ты куда заперся, кривая рожа?! – рассердился тюремный инспектор.

Неизвестный сообразил что-то и протянул Лыкову клочок бумаги. На нем рукой сына было написано: «Бери вещи и иди за этим человеком, быстро и не привлекая внимания». Это было неожиданно, но думать долго не приходилось. Сыщик мигом оделся, схватил багаж и вышел вон.

Загадочный посланец шагал впереди, по-прежнему не говоря ни слова. Да он, вероятно, и русского языка не знает, решил Алексей Николаевич. Ну и пусть. Почерк Николки не подделан, надо идти, куда он велит. А там разберемся.

Они быстро обогнули вокзал и свернули в первую же улицу. Кругом сновали люди, ехали телеги, мычал скот. Бойкое оказалось место эта станция Медвежья, Лыков не ожидал подобного столпотворения. Где рельсы, там и жизнь... Глазеть по сторонам приходилось на ходу – азиат торопился и манил за собой. Он даже и не подумал взять вещи у питерца. Алексей Николаевич сам тащил поклажу: большой саквояж с дорожными принадлежностями и баул с грифельным депо.

Уже через пять минут парочка вошла в большой деревянный дом, по виду – постоянный двор. Не задерживаясь, азиат проследовал в конец коридора, толкнул дверь и пропустил Лыкова вперед. Тот вошел в комнату – и оказался в объятьях сына.

– Ну, здравствуй, папа!

Николай сильно изменился за то время, что Лыков его не видел. Крепкий, плечистый – ну это, допустим, в отца. Волосы коротко острижены, борода простого русского типа, лицо загорелое. Подпоручик был в темно-зеленом с красным прикладом мундире Сибирского казачьего войска с погонами хорунжего.

Алексей Николаевич сильно сжал сына, подержал так и неохотно отпустил. Три года! Присутствие постороннего человека мешало ему в полной мере выразить свои чувства. Он отступил на шаг и придирчиво оглядел Николая. Профессионально внимательный к деталям, сыщик сразу увидел неестественно побелевшие кончики пальцев.

– Это что такое?

– Отморозил.

– Где?

– На Каракоруме.

- Что за место?
- Высокогорный перевал, связывает верховья Инда с верховьями Тарима. Коллежский советник рассердился:
- Ты не абракадабру, ты дело скажи. Почему не написал?
- Да уж зажило все. Палыцы не отняли, и слава Богу.
- Но...
- Отец! Ты, когда был молодой, своей матушке обо всем писал? И о войне, и о полицейских подвигах?
- По-разному бывало.
- Вот и у меня по-разному. Не забывай: твой сын вырос! Я офицер и занят серьезными делами.

Лыков не знал, радоваться или сердиться. Но Николка не дал ему времени решить. Он повернулся к азиату и сказал:

– Знакомся, Бота. Это мой родитель, Алексей Николаевич Лыков. Я много о нем рассказывал, теперь вот он приехал. Очень мне оттого радостно.

Потом обратился к отцу:

- А это мой ближайший помощник и товарищ Ботабай Ганиев. Он казах...
- погоди, – недоуменно перебил сыщик. – Казах – это уездный город в Закавказье, в Елизаветпольской губернии. Я бывал там.

Подпоручик терпеливо пояснил:

– Казахи – такая народность. У нас они называются официально киргиз-кайсаки – слышал? Однако настоящие киргизы, которые также официально именуются кара-киргизы, – совсем другое племя. Их не стоит путать друг с другом, а схожее именование как раз и создает путаницу. Я веду упорную борьбу с начальством, приучаю его к правильным названиям.

– Впервые слышу про это. А начальство как относится к тому, что молодой подпоручик его поучает?

– Пока терпит. Но ты ошибаешься, если считаешь такой вопрос пустяком. Казахи – их самоназвание, и оно правильное. С пятнадцатого века идет. Нам давно пора перенять его и не раздражать народ, который служит России верой и правдой. Во всяком случае, большая часть этого народа. И Ботабаю вовсе не все равно, как его зовут русские.

– Давай потом об этом поговорим. Объясни сначала, почему ты высадил меня здесь, не дал доехать до Омска? И почему ты в казачьей форме, а не в стрелковой, что за маскарад?

Лыков-Нефедьев недовольно покосился на отца. Тот спохватился и протянул казаху руку:

– Виноват! Очень рад познакомиться. Помощник моего сына и его товарищ... Это, значит, вы ему спину прикрываете? В письмах он ничего не писал о вас.

– А ему не положено, его служба секретная, – ответил тот без акцента. – Меня звать Ботабай Аламанович, но можно и без отчества, просто Ботабай. Я тоже рад с вами познакомиться.

– Теперь почему я высадил тебя на Медвежьей, – продолжил подпоручик. – Потому что в Омске за нами будут следить. Ты ведь дал мне телеграмму. Не зашифрованную, открытую. А нам враждебные глаза и уши ни к чему.

– Даже так?

– Именно. Я высокого мнения о качестве британской агентуры. У них всюду соглядатаи, что в Степи¹⁶, что в Туркестане. Поэтому мы будем добираться до Семипалатинска скрытно, одетые подобающим образом.

– Хм. А я рассчитывал сесть в Омске на пароход. Мы перехватим его выше по течению?

---

¹⁶ Имеется в виду Киргизская степь, которую тогда составляли четыре области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская.

– Нет, поедem верхами, – категорично заявил Николай. И тут же добавил: – Ты сдюжишь? Давно, наверное, не гарцевал?

– Давненько, – признался отец. – А сколько нам идти?

– От Омска до Семипалатинска тысяча верст. Пароход преодолевает это расстояние за пять суток. Нам же потребуется неделя. Так выдержишь или нет?

– Куда деваться, если ты за меня уже все решил?

– Извини, папа, но так действительно будет безопаснее. Поверь.

– Когда выступаем?

– Ты успел позавтракать? Очень хорошо. Мы с Ботой тоже. Лошадь для тебя готова, переложишь вещи во вьюки, и можно ехать.

Не прошло и получаса, как трое верховых двинулись на восток. В нескольких верстах от станции Медвежья располагался одноименный поселок, населенный преимущественно казаками. Сыщику стало понятно, почему Николай в их мундире: так он меньше бросался в глаза. Питерцу тоже пришлось сменить обличье. Его переодели в ношенный чекмень, на голову дали овчинный папах. Вещи переложили в суконные казачьи чемоданы, а дорогой саквояж безжалостно выбросили.

Лыкову подвели киргизскую кобылу-трехлетку буланой масти. Быстро выяснилось, что она обладает спокойным нравом и легко подчиняется командам. А коллежский советник не разучился держаться в седле. Его спутники обменялись одобрителными взглядами, и колонна потрусила.

– Это старый тракт так называемой Горькой линии, – пояснил подпоручик. – То есть линии казачьих поселений времен покорения здешних мест. Тракт тянется вдоль чугунки. У разъезда Чистый мы свернем с него на юг. Там дорога станет хуже, но нам ехать недолго. Выберемся к Иртышу, переправимся и окажемся на правом его берегу. Оттуда уже прямо к Семипалатинску по почтово-военному тракту. Дорога накатанная, ты должен справиться. Судя по тому, что я вижу, пороку в пороховницах у тебя еще о-го-го.

Они ехали целый день, с короткими остановками на пикетах. Пикетами назывались почтовые дворы. Здесь меняли лошадей, а еще путники могли отдохнуть на продавленном диване и перекусить тем, что готовила жена смотрителя. Через два пикета на третьем стояли казачьи кордоны, но они вели себя формально. Станичники пропускали всадников, не проявляя к ним никакого интереса, лишь иногда лениво козыряли незнакомому хорунжему. Документов они не смотрели и вообще службу несли спустя рукава. Притом что Семипалатинская область приграничная...

В шестом часу пополудни всадники остановились у небольшого выселка. Их встретил хозяин, пожилой дядька в ермаковке¹⁷. Он вынес хлеба, меда, молока и спросил:

– Барана резать?

Подпоручик кивнул.

– Такой, чтобы на троих, стоит четыре рубля, – сказал казак.

Николай вынул деньги из шаровар и протянул хозяину.

– Костер покуда разложите, – кивнул тот на кучу дров и ушел во двор.

Молодежь принялась возиться с костром, а Лыков остался сидеть на приступке. Езда далась ему не без труда, все же сказывался возраст. Сыщик заметил, как именно его сын разжигал с киргизом (нет, казахом, мысленно поправил он себя) костер. На равных. Вынул из сумки топорик, нарубил щепы, затесал колышки и подвесил на них закопченный котелок. Улучив момент, когда Николка подошел к дому, Алексей Николаевич сказал:

– Однако твой туземец не очень себя утруждает. Мог бы и услужить офицерам.

---

¹⁷ Ермаковка – гимнастерка с нашитыми сверху газырями, вид неуставного обмундирования Сибирского и Семиреченского казачьих войск.

– Туземец?

Подпоручик обернулся назад, потом хмуро ответил:

– Бота не денщик и не лакей, чтобы нам с тобой прислуживать. Этот, как ты выразился, туземец мне уже дважды жизнь спас. А я ему еще ни разу. И вообще, пойми: здесь, в степи, у меня нет ближе него человека. Мы с Ботабаем тамыры, то есть названные братья.

Коллежский советник промолчал, мотая на ус.

Путники съели полбарана, оставшееся мясо уложили в фуражную сакву. Наполнили фляги водой из колодца. И снова тронулись в путь.

Иртыш открылся, когда начало темнеть. Переправлялись через него уже в ночи. Вместительный карбас доставил отряд на правый берег. Сильное течение сносило лодку, и веселым пришлось попотеть. Ганиев, как только ступил на землю, сразу куда-то ускакал. И отец с сыном смогли в его отсутствие продолжить обсуждение национального вопроса.

Николай начал так:

– Вот от тебя не ожидал про туземца!

– А что, это, как ты знаешь, официальный термин, так и в переписке говорится.

– Мало ли у нас глупостей в переписке. Ты воевал, бывал на Кавказе, в Туркестане, Сибирь излазил. Какие же они туземцы? А тем более казахи.

– Чем же твои казахи лучше других аборигенов?

– По обширности занимаемых территорий и по численности они на первом месте среди тюркских народов Азии. И на втором в мире после турок-османов. Больше трех миллионов человек! А посмотри, где обитают казахи. От Волги до Китая и от Сибири до Памира. Все их законные земли. Которые мы, кстати сказать, прибрали к рукам.

– Но-но, – одернул сына папаша. – Не прибрали, а присоединили. Для их же пользы. А если бы не мы, казахов твоих любимых давно завоевали бы китайцы. Так и намечалось в конце восемнадцатого века, помнишь? Я ведь перед отъездом успел раскрыть Брокгауза с Ефроном.

Разведчик улыбнулся:

– Ты веришь энциклопедическим словарям? Еще сошлись на доклады губернаторов.

– А что, тоже источник. Конечно, покорение русскими Средней Азии не обошлось без жестокостей и злоупотреблений. Но в сравнении с другими мы проявили меньше всего зла. Когда империи дерутся между собой, делят малые народы, верстают новые границы, тут не до церемоний.

– Ты спросил, чем хороши мои казахи, – продолжил сын. – Объясняю. Они талантливые, хорошо обучаемые, эпос у них поэтический, музыкальные, любознательные. Взять хотя бы недавно умершего Абая. Не слышал о таком? Он был многогранно одаренный человек: и поэт, и музыкант, и реформатор языка. Что еще? Казахи – надежные товарищи. Гостеприимны, уважают старость, женщины у них играют важную роль, не как у многих других. Еще бы руки мыли почаще... Есть такое многотомное издание – «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей». Не читал?

– Времени нет всякую ерунду читать.

– Не ерунда, издание вполне добротное. Сам Семенов выпускает, знаменитый наш путешественник. Так вот, в восемнадцатом томе дана объективная характеристика казахам. И завершается она следующими словами, цитирую по памяти: «Среди тюрков, кочующих в Азии, киргиз-кайсаки наиболее культурный народ, и несомненно, что ему принадлежит лучшее будущее».

– Хорошо, коли так, – примирительно ответил отец. – А руки и в русских деревнях лишней раз стараются не мыть.

Когда Ботабай вернулся (он разведывал, все ли вокруг спокойно), Лыков-Нефедьев решил встать на ночлег. Посоветовался с другом, они вместе выбрали место поукромнее. Развели костер, коллежский советник завалился спать, а его спутники дежурили по очереди.

Утром, когда над Иртышом еще стоял плотный туман, отряд быстро собрался. Доели вчерашнего барана, разогрев его на углях. Русские сделали по глотку водки, чтобы согреться. Казах не стал. Он отошел в сторонку, совершил утренний намаз. Потом все расселись по коням и двинулись в путь. Киргизские лошади по праву считались самыми выносливыми в России, им нипочем были большие переходы.

Отряд поднялся на высокий правый берег. Тракт в столь ранний час был пуст. Лыков поразился его виду. По степи тянулись две широких накатанных колеи, разделенные полосой травы в пять сажений. Почти шоссе!

Подпоручик ткнул нагайкой на юго-восток:

– Теперь нам туда. Дорога все время будет идти вдоль реки, лишь кое-где отступит верст на пять, а потом снова приблизится. Ну, вперед!

Два дня они поднимались вдоль Иртыша, потом полдня отдыхали и снова выступили. По реке шли пароходы, буксиры тянули каждый по две баржи, сновали паузки и карбасы. Жаль, нельзя проплыть с ветерком... Вдруг показался буксир, ведущий лишь одну баржу, и не деревянную, как все другие, а железную. Николай пояснил: это казенная баржа, на ней перевозят арестантов, а во время призыва еще и рекрутов.

Местность вокруг была удручающе унылая: ровная степь с выгоревшей на солнце травой, да небольшие колки¹⁸ вдалеке. На пригорках были сложены странные пирамидки из камней. Николай сказал, что это опознавательные знаки, по которым кочевники прокладывают свои маршруты.

Внизу вдоль русла тянулась широкая ярко-зеленая полоса заливных лугов, и только она радовала глаз. Лыков кивнул на нее:

– Вот это силища! Всю здешнюю скотину можно прокормить.

– Да, – откликнулся сын. – Хватило бы на всех, да дорого обходится.

– В каком смысле?

– Это так называемая десятиверстная полоса. Она тянется по правому берегу от Омска аж до Усть-Каменогорска, на тысячу четыреста верст. Полтора миллиона десятин! Море травы, сочной, роскошной... Все это богатство было отдано казакам в бесплатное пользование еще в тысяча семьсот шестьдесят пятом году. Распорядился командир сибирских войск генерал-поручик Шпрингер. Так с тех пор и берут задарма. Столько сена им не нужно, да и не скопить такую громаду. А у кочевников на том берегу выжженная степь и огромные стада скота, главное их богатство. Кормить его трудно, пастбищ не хватает. И приходится арендовать у казаков заливные луга за большие деньги, чтобы не пойти по миру. Десять месяцев в году пасут они свои стада в пойме, да к зиме кое-что накашивают.

– Хм. Начальству писать не пытались? – спросил Лыков. – Генерал-поручиков давно нет в Табели о рангах. Пора бы и отменить их замшелые приказы.

– Уже не получится. В тысяча девятьсот четвертом году десятиверстная полоса высочайше пожалована Сибирскому войску в собственность. Шла война с японцами, и станичники решили задобрить. Помнишь наш разговор на берегу?

– Насчет тузе... Тыфу! Казахов?

– Да. Вот тебе пример нашего управления: отобрали у коренного населения лучшие земли и вручили лампасникам. Когда-то давно в этом был смысл: казаки воевали за присоединение края, нужно было их поощрить. Но с той поры прошло сто с лишним лет. Во всем Сибирском казачьем войске народу полтора ста тысяч, если считать с семьями. В военное время войско обязано выставить девять конных полков. Согласись, немного. А тех же казахов в одной только Семипалатинской области почти семьсот тысяч. Счет скотине идет на миллионы. Глав-

---

¹⁸ Колки – березовые роши.

ная проблема – как прокормить такое количество, с этим масса хлопот. Знаешь, что такое тебеневка?

– Да, это зимняя пастьба.

– Правильно, – одобрил Лыков-Нефедьев. – Так вот. Зимовые стойбища у них называются кстау и считаются самыми ценными. Летовки – джайляу, и весеневки-осеневки – кузеу, тоже охраняются от потрав, но кстау важнее всего. Зимой скот пасти особенно трудно. Пастбища ведь под снегом. Сначала выпускают лошадей, и те разбивают его копытами. Следом выходят рогатый скот и верблюды, а самыми последними – бараны. Если снега выпало слишком много, лошади не могут добраться до травы. Значит, и остальная живность тоже. А еще хуже осенняя гололедица, когда после дождей сразу морозы. Земля покрывается льдом, и копыта его не пробивают. Начинается джут, падеж скота, это катастрофа для кочевников. Выручить могут только большие запасы сена. А заливные луга – вот они, но за покосы надо платить. Тут еще национальные особенности... Казахи, сказать по правде, большие лентяи. Еще им свойственна беззаботность. И отказываются от старого уклада они неохотно. По этой причине сено заготавливать не любят и потом страдают.

– Ты же их хвалил: и надежные, и хорошо обучаемые, – поддел отец сына. – А теперь вдруг ленивые, беззаботные и косить не хотят.

– Ну и что? Хвалил, нравится мне этот народ. Особенно Бота и его товарищи: Даулет, Сабит, Кыдырбек с Балтабеком. Но казахи тоже имеют недостатки, как и все другие народы. Говорю без прикрас. Да, порядочные лентяи. Они еще очень любят тамырничать, ездить по гостям и угощаться. Неделью могут пропадать, бросив хозяйство. Что есть, то есть...

Троица как могла быстро шла на Семипалатинск. Проехали станицу Черлановскую, после которой колки исчезли совсем, и осталась только голая степь. Миновали поселки Татарский, Крутойярский, а в станице Урлюктым встали на отдых. Селение было богатое, даже один каменный дом имелся. Была и почта, на которой Лыкова-Нефедьева ждала телеграмма. Николай прочитал и нахмурился.

– Что-то не так? – спросил коллежский советник. Ботабай подошел и тоже смотрел вопрошающе.

– Кыдырбек сообщает, что в Семипалатинск приехали какие-то неизвестные адаевцы, девять человек. Поселились за рекой, ходят по городу, чего-то высматривают. А Куныбай из Павлодара отправился в Омск, аккурат к твоему поезду.

– Теперь поясни все, что сказал. Начни с того, кто такие адаевцы.

Сын так же терпеливо, как и прежде, стал рассказывать:

– Это люди племени адай, которое живет на Мангышлакском полуострове. Среди казахов они славятся самыми грубыми и воинственными.

– И что с того, что девять из них приехали в Семипалатинск?

– Может быть, и ничего. Но мне это не нравится. Наши противники знают, что ты выехал ко мне.

– Откуда они могут знать? – возразил Лыков.

– Да из твоей телеграммы.

– Черт...

– Пойми, я не преувеличиваю, – продолжил подпоручик. – А реально смотрю на вещи. Противник в курсе, чем я занимаюсь. И в Джаркенте, и в Семипалатинске за мной приглядывают. Казахи отодвинули слежку, по пятам ходить не дают. Шпионы наблюдают издали. А еще читают корреспонденцию. И вот они узнают, что в Омск едет чиновник особых поручений Департамента полиции. А его встречает начальник разведывательного пункта. Что, папаша решил обнять сына? Аккурат после того, как зарезали полицмейстера, активного помощника разведчика? Догадаться о цели твоей командировки нетрудно. Англичане сообразили и гото-

вят теплую встречу. Не допускаешь такое? Конечно, девять приехавших могут быть обычными кочевниками. Но именно среди адаевцев принято вербовать людей для темных дел.

– Ладно. А что за имена ты назвал?

– Кыдырбек Мукашев – один из моих помощников, кроме того, он двоюродный брат Боты. А Куныбай Каржибаев – враг. Вспомни, Снесарев должен был тебе называть это имя. Тот самый резидент, которого выявил Присыпин.

– Ты считаешь, что он собирался следить за нами в Омске? – сообразил сыщик.

– Да, и проводить нас.

– До Семипалатинска?

– Нет, папа. До засады на дороге.

– Николай. Ты всерьез допускаешь, что британские агенты могут напасть на русского офицера и чиновника полиции? Тут, на российской земле? А это не бред?

– В такое трудно поверить, согласен. Но сказать, что это совершенно невозможно, я не могу. При определенных обстоятельствах возможно.

– При каких же?

Тут вмешался Ганиев:

– Например, нас ограбят и убьют разбойники. Как в случае с Присыпиным.

Лыков задумался.

– Значит, на пути нас может ждать засада? Каржибаев обнаружил, что я сошел с поезда раньше. Он поймет, что это твоих рук дело и что мы сейчас пробираемся в Семипалатинск другим путем. И отправит боевиков перехватить нас на полдороге.

– Правильно рассуждаешь, папа. Надо еще усилить меры предосторожности.

– Да мы и так уже дышим через раз, – с досадой заявил питерец. – Едим одну баранину, будь она неладна...

Он намекал на вчерашний разговор. Когда в Крутойярском на обед снова подали баранью ногу, Лыков попросил чего-нибудь другого. Например, конины. Но сын ответил:

– Нельзя. Русские ее не едят, а казахи очень любят, но для них это деликатес, который они редко могут себе позволить.

– И что с того? Нам-то почему нельзя?

– Потому что нас запомнят. Так что ешь барашка и не жалуйся.

– Давай хоть ухи стерляжьей попросим. Ведь в Иртыше водится стерлядь?

– Водится, папа. Но ее здесь ловят мало, все больше под Усть-Каменогорском. И сюда не доставляют, разумеется. Я угощу тебя стерлядью в Семипалатинске, там продают.

После телеграфных новостей троица еще более затаилась. Уже следующим утром это их выручило.

Они были на полпути к поселку Железинка, когда впереди показались всадники. До сих пор на оживленном тракте попадались либо одиночные верховые, либо экипажи да обозы. Кочевники перегоняли партии скота, мужики свозили на пристани хлеб или арбузы, купцы – кожи. Конных отрядов, кроме линейских казаков, не было. А тут вдруг появились какие-то люди, одетые как инородцы. Они шли навстречу быстрой рысью. Ганиев увидел их первым, еще издали, и троица успела спрятаться в маленькой ложбинке. Когда стук копыт миновал, Ботабай осторожно высунулся. Только раз глянул и тут же присел.

– Ну что? – спросил Лыков-Нефедьев.

– Четверо. Адаевцы. Подозрительные.

– Без оружия?

– Кто же им позволит среди дня с винтовками ездить? Вьюки у каждого, обрез туда легко поместится.

Выждав некоторое время, они вернулись на дорогу и двинулись дальше. Лыков спросил у молодежи:

– Полагаете, что по нашу душу?

– Все может быть.

– А не мало четверых против нас троих?

– Если нападать из засады, то вполне достаточно.

– С обрезом из засады? – усомнился питерец. – Какая дальность стрельбы у обреза и какая точность? Сомневаюсь, что это те, кто нас ищет. И как устроить засаду на голой местности?

Но подпоручик отверг его сомнения и предположил:

– Они войдут в Урлюктым и узнают, что мы там ночевали. После чего развернутся и начнут нас преследовать.

– Вполне вероятно, – согласился Ботабай.

Лыков опять возразил:

– С какой стати казаки станут сообщать что-то проезжим иноверцам?

– Те сунут рублевину и все узнают, – ответил сын.

– И как быть?

– Давайте сядем в Железинке на пароход и пару остановок проплывем. А потом сойдем на берег и опять продолжим верхами.

Так и сделали. На их удачу, в поселке с часа на час ждали пароход «Казанец». Он принадлежал Товариществу Западно-Сибирского пароходства и торговли и считался одним из лучших. К берегу пришвартовалось неказистое суденышко, однопалубное и все какое-то обшарпанное. Лыкову, привыкшему к шикарным волжским пароходам, оно показалось жалким. Но выбирать было не из чего. Лошадей затолкали в трюм, сами устроились во втором классе. Отец с сыном сразу пошли в буфет, где угостились водкой и ухой. Ботабай остался караулить вещи и попросил принести ему чаю с каймаком¹⁹ и лепешками.

«Казанец» без остановки миновал Пяторыжский поселок и высадил случайных пассажиров в Бобровском. Здесь берег Иртыша поднимался особенно высоко, и с него открывался панорамный вид. Лошадям требовалось отойти после качки, и всадники задержались здесь на полдня.

Поселок Бобровский имел две улицы и даже собственную винную лавку. Все пространство вокруг него было засеяно хлебом. Колос уже сжали и обмолотили, теперь повсюду дымили овины, сушили зерно. Ганиев ушел выяснять, нет ли в поселке подозрительных чужаков. А сыщик с разведчиком уселись на скамейку на самой круче и заговорили.

– Скажи, почему ты до сих пор подпоручик? Я задал этот вопрос Снесареву, но он ответил, что ты сам объяснишь. Твоего брата еще год назад произвели за отличие. Чем ты хуже? Или чем-то провинился?

– Пожалуй, что так.

– Излагай, пока никого нет.

– Бота все знает, его стесняться нечего.

– Излагай.

Лыков-Нефедьев снял с головы фуражку, словно хотел перекреститься, и начал:

– Это произошло в Памирском отряде, в первый же месяц, как я туда попал.

– А как попал? Ты же служил в Ташкенте, в столице края. И вдруг горы и снега.

– Сам перевелся. Скучно стало.

– А Павлуке, значит, не скучно? – спросил Лыков сварливо.

– Брюшкин пусть сам за себя отвечает, а мне гарнизонная служба не по вкусу. Захотелось сильных ощущений. Я тогда уже сблизился со Снесаревым и от него узнал про Памиры много интересного. Так вот. Я командовал постом, имел в подчинении пятнадцать казаков и

---

¹⁹ Каймак – густые сливки из кипяченого молока.

урядника. Только-только начал входить в дела, как все случилось. Мы находились в скрытом дозоре и поймали английского офицера.

– Шпиона?

– Кого же еще? Лейтенант Джон Алкок из Шестого Бенгальского полка легкой кавалерии. Паспорт при нем был, но не дипломатический, с отметкой русского консула в Кашгаре, как полагается. А обычный, выданный в столице Кашмира Сринагаре, с отметкой: «Путешествующий для собственного удовольствия и удовлетворения любознательности». При офицере были еще двое: мунши – это секретарь-переводчик – и слуга-сипай. И пять кашмирских пони с поклажей. Я, когда увидел, что паспорт без нашей отметки, велел предъявить багаж. Лейтенант отказался и стал грозить дипломатическим скандалом. Это, конечно, лишь усилило мои подозрения. Я приказал подержать англичанина за руки – он пытался помешать досмотру – и открыть сумы.

– И что там оказалось? – заинтересовался Лыков.

– Все, что я и ожидал. Восьмидюймовый теодолит-универсал, шестидюймовый теодолит-тахеометр, ртутный барометр, два анероида, максимальный и минимальный термометры, мерные цепи, блок-мензулы. Оборудование для съемки местности. Нашей, русской местности.

– И что было дальше?

Подпоручик вздохнул:

– А дальше случилось то, чего я не ожидал. И сначала не придавал значения. Когда Алкока отпустили, он вдруг ударил урядника по лицу. Казаки возмутились и хотели наказать англичанина. Еле-еле я его отбил. Ну, реквизировал находки, все бумаги отобрал и турнул с нашей территории. Точнее, приказал уряднику сопровождать шпионов до граничной линии.

Лыков напрягся:

– Там и случилось?

– Ты уже понял? Да. Граничная полоса имеет установленную соглашением ширину – тридцать сажень. Они уже ступили на ничейную землю, все было спокойно, как вдруг... Затаивший обиду урядник на прощанье протянул лейтенанта нагайкой по спине. При двух свидетелях-индусах.

– Вышел скандал, – констатировал сыщик.

– Еще какой! Алкок тут же направил рапорт о случившемся начальству, а то – своим дипломатам. Лейтенант случайно сбился с пути, по ошибке забрел на русскую территорию, где был избит казаками. По приказу подпоручика Лыкова-Нефедьева.

Алексей Николаевич покачал головой и приготовился слушать дальше. Ничего утешительного он не услышал.

– Русские дипломаты всегда почему-то пасуют перед англичанами, – повторил его сын слова Снесарева. – Вот и на этот раз: Певческий мост решил замять скандал, пожертвовав мной. То, что англичанин первым ударил урядника, их не интересовало. Подумаешь, нижний чин – он же не человек! То, что шпион был пойман с поличным, – тоже. А то, что всыпали ему по спине в мое отсутствие и команды на это я, разумеется, не давал, в расчет не принималось. Ламздорф ходатайствовал перед военным министром, чтобы меня выгнали со службы, как того требовали англичане.

– Что Редигер?

– Он такой человек, что старается избегать неприятностей. Зачем подставляться из-за какого-то подпоручика? А тут меня еще подвел собственный начальник, командир Памирского отряда подполковник Кивекес. Он финляндец и, как все финляндцы в нашей армии, карьерист. И Редигер тоже оттуда. Вот эти два чухонца и решали мою судьбу. Был бы я сейчас в отставке без прощения, если бы не Снесарев. Андрей Евгеньевич первым вслух сказал главное: Лыков-Нефедьев пресек проникновение в Памиры британского шпиона. И тому есть вещественные доказательства. Вот они и мстят... Свою точку зрения подполковник довел до

начальника Генерального штаба. И пригрозил, что сообщит обо всем газетчикам, если меня выгонят со службы. Те охотно раструбят, как наши дипломаты идут в поводу у английских.

– Даже так? – поразился Алексей Николаевич. – Он сам сильно рисковал.

– Снесареву нет замены, но военному министерству на это наплевать, – с горечью сказал Николай. – Да, он подставил из-за меня голову под топор. Но тут уже обиделись большие генералы в Петербурге. Под давлением дяди Вити.

– Таубе ничего мне об этом не рассказывал!

– Зачем зря волновать занятого человека? Так вот. Генералы сказали Редигеру: что за лакейство перед британцами? Их шпиона поймали без штанов, а наказать вы хотите нашего подпоручика? Пусть лейтенантик руки не распускает. И шпионит осторожнее. Кончилось тем, что военный министр написал на моем деле: перевести в другое место и задержать производство в следующий чин на год. Словом, я легко отделался.

– Пострадал, стало быть, за правду?

– Так и есть, папа.

– А что сделали с урядником?

– Тимофей Сиволдаев его зовут. Хороший строевик, но самолюбивый и вспыльчивый – вот и сорвался. С него сняли лычки и оставили в отряде на второй срок.

– Всего-навсего? – удивился питерец.

– Да ты что! Это хуже дисциплинарного батальона. Сменный Памирский отряд потому так и называется, что его состав меняется каждый год. Дольше людей держать нельзя: условия службы очень тяжелые. Так что Сиволдаев пострадал больше меня.

– А тот... Алкок, он успокоился? Подумаешь, протянули разок по хребту.

– Джон Алкок прислал мне вызов. Удар нагайкой от урядника он расценил как оскорбление третьей степени²⁰, согласно дуэльному кодексу. Местом поединка выбрал Кашгар.

– А ты?

– Как раз в Кашгар меня и перевели с Памира. Я был негласным военным агентом при русском консульстве. Город очень любопытный, тамошний консул является главным резидентом наших секретных служб в Китайском Туркестане. При нем для охраны состоит полусотня казаков. Так повелось издавна, когда консульство нуждалось в охране от их баламутного населения. Полусотня – серьезная сила, ее одной достаточно, чтобы в городе всегда был порядок. Я помогал консулу Колоколову, вел агентов, отвечал за прикрытие. А тут Алкок собственной персоной. Приехал и вызвал меня.

– И что ты?

– Конечно, поднял перчатку. Ты же знаешь: офицер, уклонившийся от дуэли, подлежит отчислению со службы. Есть такой приказ по военному ведомству. Дратся я хотел на саблях, потому что слишком хорошо стреляю и уложил бы дурака сходу. А он настаивал на пистолетах. Поскольку оружие выбирает оскорбленная сторона, мы некоторое время объяснялись по этому вопросу – заочно, через секундантов. И пока шло согласование, Алкока срочно отозвали из Кашгара.

– Он испугался?

Разведчик пожал плечами:

– Навряд ли. Мне сказали, что его переместило начальство. В двадцать четыре часа. Узнало про дуэль и приняло меры, чтобы она не состоялась.

– Разумно. А ты сообщил о происшествии по команде?

– Нет. Зачем, если ничего не случилось? В армии порядок такой: зря начальство не беспокой!

– Как думаешь, англичанин в последний момент струсил?

---

²⁰ Оскорбление третьей степени – оскорбление действием, самое сильное, после которого принято биться до крови.

– Кто знает? Может, и струсил. Тогда, согласно дуэльного кодекса, он теряет право на удовлетворение. Но вероятнее, что ему помешали довести дело до конца. В таком случае вызов Джона Алкока сохраняет силу.

– И ты готов снова принять его?

– Конечно. Честно говоря, я жду этого вызова. И рано или поздно получу его. Алексей Николаевич поежился:

– Бр-р... Холодно тут на ветру, пойдем в поселок.

Глава 5. На пороге дознания

Кажется, трюк с пароходом удался, и они обманули преследователей. Если, конечно, это были преследователи, а не случайные путники.

Так или иначе, три всадника быстро двигались по старинному тракту вдоль прежней Иртышской линии. Все селения на пути являлись бывшими форштадтами. В них были заметны остатки крепостных сооружений: рвы, валы и редуты. После станицы Осьморяжской берег резко понизился, долина реки существенно расширилась. Они проехали по краю песчаную впадину Кулундинской степи. Дорога тянулась сначала по болоту, а потом по солонцам. Тут Лыкову пришлось нелегко. Он стал сдавать от длительной тряски в седле. А еще эти проклятые солонцы! К концу лета почва на них высыхает, и соляная крошка делается толщиной с аршин. При сильном ветре в небо поднимается соляная буря. Мелкие крупинки забивают нос и рот, кожа зудит, глаза слезятся – невыносимо.

Изменилась и дорога. На тракте все чаще стали попадаться груженные караваны. Неподалеку находилось озеро Коряковское, одно из богатейших соляных озер России. В год там добывали два с половиной миллиона пудов соли. Движение становилось оживленным, чувствовалось приближение большого города. Инородцы гнали вдоль тракта свои стада, крестьяне везли обмолоченный хлеб. Попадались бычки – так здесь называли малороссов за воловьи упряжки. На дороге сделалось шумно и беспокойно, зато в такой толпе легче затеряться. Алексей Николаевич озверел: все тело чесалось, хотелось пойти в баню, отдохнуть в настоящей постели и пересест с седла в тарантас. Староват он стал уже для многодневных скачек. Наконец впереди показались крыши Павлодара.

Этот город стал расти благодаря особенностям Иртыша. Выше по реке начинались перекаты, которые многие суда не могли проскочить. Они разгружались в устье речки Тяпки в девяти верстах от Павлодара. Затем товары или переваливали на подошедшие сверху баржи, или тащили дальше посуху. Жалкий городишко за счет таких манипуляций превратился в важный торговый центр. Затем открыли Сибирский железнодорожный путь, а вскоре – угольные копи Экибаз-Туза. И Павлодар возвысился над всеми, сделавшись вдруг ключевым складочным местом в Степи.

Лыков первым делом побежал в торговые бани и провел в них четыре часа. Сын же вымылся по-быстрому и ушел с Ботабаем. Когда питерец сидел под навесом и цедил холодное пиво, они явились.

– Ну, что дальше?

– Папа, мы наняли тебе легчанку, проедешь немного с удобствами.

– Какую еще легчанку?

– Так называют дрожки с железным кузовом.

– А у кого наняли?

– Здесь есть земская гоньба, она поручена казакам в качестве натуральной повинности.

До Семипалатинска осталось триста тридцать семь верст. Сто из них махнешь в дрожках, отдохнешь и снова пересядешь в седло.

– Что, я так плохо выгляжу? После бани вроде силы вернулись...

– Нет, ты нужен мне на месте в работоспособном состоянии. Нам предстоят дела серьезные, усталый человек не справится.

Сыщик возразил:

– Это задержит нас почти на сутки, верхами передвигаться быстрее.

– Черт с ними, лишними сутками.

И Лыков согласился. Его отвели на станцию, усадили в крепкий экипаж незнакомой конструкции. Сзади поместили чемоданы с вещами и привязали буланку. Станичник из запасных сел на облучок, Николай с Ботабаем пристроились по бокам, подобно караулу. И они рванули.

В Павлодаре кипела деловая жизнь, колонна с трудом пробиралась к выезду на тракт.

– Что здесь сегодня, ярмарка, что ли? – крикнул отец сыну. – Не протолкнуться!

– Крестьяне убрали зерно, везут в Омск. Самая горячка. А еще соль, уголь, кожи... Бойкое место, прямо степной Чикаго.

Путешественники вывернули на площадь, и Алексей Николаевич присвистнул. Это оказалась не площадь, а огромное пепелище. Несколько кварталов выгорели подчистую, лишь печные трубы торчали тут и там.

– В девятьсот первом году был большой пожар, – Николай кивнул на закопченные развалины. – До сих пор отойти не могут. Полгорода тогда сгорело.

Не без труда они вырвались из Павлодара и двинулись на юго-восток. Триста с небольшим верст – на один зуб! Опять потянулись соляные озера и казачьи станицы. Из них выделялась Ямышевская, где родился знаменитый географ и путешественник Потанин. Песчаная холмистая местность без единого кустика уже порядком надоела командированному. Правда, ее стали разнообразить невысокие скалы, которые вырывались из земли, как гребни Змея Горыныча. Иногда камни слоились под воздействием ветра, и тогда они походили на стопку огромных блинов, набросанных друг на друга. Другие напоминали оплывшие свечи, третьи – юрты кочевников. Между ними слонялись бесчисленные табуны лошадей и огромные отары овец.

В Глуховской легчанку отпустили, и Лыков опять водрузился на кобылу. Он отдохнул и был готов к подвигам.

– Ну, Чунеев, показывай свои семь палат!

Сын фыркнул:

– Эка хватил.

– Не понял. Если город называется Семипалатинск, то вынь и положь.

– Никак не получится. Когда его основывали почти двести лет назад²¹, палаты там еще были. Точнее, не палаты, а развалины семи больших строений из необожженного кирпича, поскольку калмыки обжигать его не умели. Сейчас и следа тех развалин не осталось. Кроме того, место для города выбрали неудачно. Не знаю, правда ли это, но говорят, что пришлось четыре раза его переносить.

– Четыре раза? Вот глупость! Ведь затраты, хлопоты.

– Трудно найти подходящий во всех отношениях базис в этих краях. Крепость постоянно затапливало в половодье, или вода подмывала берег... А потом, в сам город мы не поедем, ты зря размышлял. Как раз у Старо-Семипалатинского поселка свернем с тракта и укроемся в юртах. Надо сначала разнюхать, что творится, как там наши девять адаевцев, какие еще новости...

От Старо-Семипалатинского до областной столицы всего шестнадцать верст. Лыкову опять хотелось в баню, но увя... Не задерживаясь в поселке, всадники свернули налево и ехали еще полдня. Путь их, к удивлению питерца, сначала шел через сосновый бор. Николай пояснил, что лес охватывает город широкой полосой с северо-востока и весьма украшает местность. Пройдя его насквозь, путники снова оказались в голой степи. Наконец появились юрты летнего стойбища – много, целый аул.

– Это казахи племени аргынов рода басентийн, к которому принадлежит наш Ботабай Ганиев, – сказал подпоручик коллежскому советнику.

– Для чего мне знать его род?

---

²¹ Семипалатинск был основан в 1718 году.

– Папа, здесь это очень важно. Каждый казах помнит свою родословную до седьмого колена. Это нужно для того, чтобы избегать кровосмесительных браков. Потом, принадлежность к тому или другому роду часто определяет характер человека. Вокруг Семипалатинска лежат земли аргынов и найманов. Аргыны хитрые, хотя сами себя считают просто умными. Они предприимчивы, умеют со всеми ладить. Найманы, наоборот, простодушные, доверчивые, у них доброе сердце, но короткая память.

– Мы надолго затаимся в этом ауле?

– На день-другой. А пока ждем приглашения.

– Какого приглашения? – спросил сыщик, оглядываясь по сторонам.

– Ну как же. Приехал человек из самого Петербурга, да еще полковник. Надо встретить его как полагается. Я-то здесь частый гость, привычный, притом молодой. А тебе особый почет. Бота сейчас все организует.

Их спутник бросил поводья подбежавшему сородичу и скрылся в главной юрте. Лыков сразу понял, что она главная: находилась в центре летовки, была больше других и накрыта белыми войлоками. Остальные юрты были меньше, и войлоки у них оказались серые. В стороне сгрудились маленькие закопченные шалаши, по три штуки зараз – видимо, летние кухни.

Появление гостей вызвало переполох, но только у детей. Ребятишки сбежались и стали их рассматривать, тихонько переговариваясь. Прошли две женщины, покосились, кивнули в знак приветствия и тоже исчезли в ставке. Николай пояснил, что это замужние дамы, поскольку они были в белых, спускающихся на плечи капюшонах. Мужчины не показывались – не то были заняты работой, не то считали ниже своего достоинства паяться на приезжих. Тот же, кто держал кобылу Ботабая, улыбался, но помалкивал. Николай заговорил с ним первый. Разговор велся вежливо, на незнакомом питерцу языке. Он спросил сына:

– Ты знаешь их язык?

– Как бы я мог служить тут, не зная его?

– Это казахский?

– Правильнее сказать, тюркский. Казахское наречие. Их три, есть еще узбекское и джатайское, я владею всеми.

– Снесарев упомянул, что ты говоришь на пяти языках, это правда?

– Теперь уже больше. Арабский, фарси, западный диалект китайского, монгольский, уйгурский, тюркский, урду, армянский, пушту²². Ну, не считая французского, английского и немецкого, разумеется – эти я освоил еще в юнкерском училище.

– Молодец, не хуже самого Снесарева, – похвалил сына Алексей Николаевич.

– Если бы еще начальство ценило, – вздохнул тот. – Вон британцы: добавляют к жалованию офицера две тысячи рупий, если он в Индийской армии изучил иностранный язык. А за наш, русский, будто бы даже пять тысяч, как за особо трудный. И что у нас? Пособия покупаю за свой счет, учителям плачу из собственного кармана. Хорошо, есть лесное имение, а то не знаю, как бы я выкручивался.

Наконец Ботабай вышел и пригласил гостей к аксакалу. Из круглого отверстия в крыше юрты валил дым, вкусно пахло едой.

– Алексей Николаевич, я похлопотал за вас, – усмехнулся Ганиев. – Сегодня угоститесь кониной. Но начнут все равно с баранины.

Жилище аульного аксакала выглядело нарядно. Стены юрты снаружи были украшены лентами и узорчатыми войлоками, деревянные части выкрашены. Низ войлоков по случаю жары подняли. Но что творилось внутри, было не видно, поскольку обзор закрывали спущенные до земли плетеные циновки. Гости распахнули резные двустворчатые двери веселого желтого колера и вошли.

---

²² Урду – родственный с хинди язык народов северной Индии, пушту – язык афганцев.

Юрта внутри оказалась на удивление просторной. Пол весь устлан кошками, лишь посредине, там, где горел очаг, оставалась неприкрытая земля. На огне висели казан и большой чайник. С той стороны очага, лицом ко входу расселись пять человек: седобородый старец и четверо казахов помоложе, примерно возраста Лыкова. Старец поднялся и начал учтивым голосом произносить речь. Ботабай переводил. Аксакал благодарил Всевышнего за подарок в лице гостя из Петербурга, почтившего своим вниманием скромного кочевника... Потом он представил остальных, которые оказались его сыновьями. Лыков тоже назвался и вручил хозяйину заранее приготовленный подарок: большую сахарную голову и цыбик зеленого чая высшего сорта – «лао ча» («почтенный»).

Все семеро расселись вокруг очага, Ботабай поместился чуть сбоку. Русским пододвинули низкий круглый стол, дали деревянные миски. Аксакал сам вынимал из казана куски вареной баранины и вручал остальным, начиная с гостей. Казахские бараны огромные, весом до пяти с половиной пудов. А сала в курдюке – до тридцати фунтов; не управиться и вдесятером. Есть мясо полагалось руками, а запивать его горячей сурпой из мисок. Потом женщины подали баурсак – пресное тесто, нарезанное кусочками и жаренное на бараньем сале. Сдобрили его кумысом и перешли к деликатесу – жареной конине. Лыкову вручили почки, самое лакомое кушанье, которое полагается лишь почетным гостям. Закончился обед чаем с молоком и солью. Хозяин предложил русским араку, перегнанную из кумыса, сказав, что сам хмельные напитки не пьет. Те вежливо отказались и попросили еще чая.

Поговорив на отвлеченные темы, гости удалились. Ботабай отвел их в юрту, выделенную для постоя. Она была меньше аксакальской, но уютной и на удивление чистой. Вскоре пришел Ганиев-старший, один из почтенных сыновей аксакала. Завязался более конкретный разговор. Оказалось, что Николай Лыков-Нефедьев учит всю их семью русской грамоте и счету. Казахи умеют считать только до десяти тысяч, числа больше в степи нужны редко. Но Ганиевы были богаты, скота имели много, а еще вся семья отличалась любознательностью. Глава семьи задавал тон, он учился наравне с сыновьями. Вся молодежь служила в русской военной разведке.

Аламан Ганиев ушел, а следом удалился и его сын. Он сказал, что съездит в Семипалатинск, разведает, чем там пахнет. Казах выразился весьма цивилизованно, заявив:

– Нужно обновить информацию.

Ошарашенный заморским словом Лыков прилег было на одеяло подле очага. Однако сын безжалостно поднял его:

– Папа, здесь полагается не спать, а угощаться. Не нарушай обычаев степи.

– А где полагается спать?

– Сейчас поймешь. Я прочту тебе лекцию об устройстве казахской юрты. Иначе ты можешь попасть в неловкую ситуацию.

Подпоручик принялся рассказывать и показывать, а коллежский советник с интересом слушал.

Оказалось, что юрту собирают женщины, это их обязанность. И втроем без труда делают это за час-полтора. Мужчина лишь поднимает вверх шанырак – деревянный круг, образующий крышу. Через отверстие в нем выпускают дым, в холодное время его закрывают пологом. Шанырак изготавливается из березы и является символом дома, синонимом очага; он передается по наследству от отца к сыну.

Каркас юрты состоит из кереге – раздвижных решетчатых стен, которые собирают из канат – секций в двенадцать-семнадцать палок. Кереге делают обычно из тальника, а дорогие – из той же березы. Юрта аульного аксакала называется акор-да – двенадцатиканатная, это самое большое жилище в ауле. Их гостевая собрана из шести канат и именуется ак уй. Кереге соединяются с шаныраком выгнутыми дугами – ууками; они и составляют крышу. Вот и вся конструкция. Она покрывается войлоками: дымоход, крыша и стены завешиваются каждый

своим куском. Куски называются узук, тундук и туырлык. Еще по стенам размещают плетеные циновки из стеблей чия, степного камыша – и для тепла, и для красоты.

Дверь в юрте всегда находится на северо-востоке – так удобнее по господству ветров. Но, что еще важнее, эта сторона – обратная Мекке, куда кочевники молятся. Почетное место располагается напротив двери по ту сторону очага; оно называется тор. Там же сложены сундуки с вещами, свернутые постели, кошомные чемоданы. Хозяева и гости сидят на коврах или меховых подстилках.

Правая сторона юрты хозяйская и отгорожена занавеской. В ней стоит тюсек-орук, низкая кровать с подушками, и находятся мужские вещи: седло, сбруя, оружие. Женщины держат там кебеже. Кебеже – это ящик, в который сложена лучшая посуда, а также ценные продукты, в первую очередь чай и сахар. Здесь же хранятся провизия и мешок из прокопченной кожи для изготовления кумыса. Его казахи пьют с утра до вечера, кумыс заменяет им еду.

Левую сторону отдают младшим членам семьи: детям, снохам, внукам, также там могут поместить на время больного ягненка.

Возле двери находится босага, пространство для хозяйственных целей. Сама дверь обшита войлоком, а еще имеет кошомную занавеску. Стены и пол украшены текеметами, войлочными коврами. Казахи любят свое жилище и берегут его. «Клянусь священной юртой, своя юрта – храм божий!». Находящийся там гость считается под защитой хозяина, и обидеть его – значит обидеть самого хозяина. Ну и наконец, хорошую юрту можно поднять и перенести на другое место, она не развалится. Вес ее – примерно десять пудов.

Лыков выслушал содержательную лекцию, пошел направо за занавеску и улегся с чистой совестью на кровать. Точнее, на тюсек-орук. И быстро заснул, все-таки дорога его утомила.

Спал он чутко и проснулся от звука голосов. Выбрался из правой половины и обнаружил сына беседующим с каким-то мужчиной на незнакомом языке. Наружностью тот походил на Чингиз-хана, но откуда взяться монголу в таком месте? Азиат и подпоручик держали в руках странные бутылочки. Они протянули их друг другу, каждый брал что-то из предложенной посуды маленькой ложечкой и совал себе в нос. Нюхательный табак, вот что это такое, догадался питерец. А как бойко Чунеев лопочет по-азиатски!

Увидев незнакомца, азиат молча поклонился ему, быстро завершил беседу и вышел вон.

– Кто это? – спросил сыщик.

– Мой агент с китайской стороны, – пояснил разведчик.

– Какой национальности? Я решил было, что монгол.

– Монгол и есть.

– А чего это вы с ним нюхали?

– Табак, у них так принято. Я нарочно таскаю с собой посуду с этим зельем, чтобы угощать. Полезно для налаживания хороших отношений.

– И что тебе сообщил твой заграничный друг? – не утерпел Алексей Николаевич. Спрашивать об этом было неловко, но любопытство взяло верх.

– Оюулунбиельды принес донесение: из Урумчи в Чугучак тайно прибыл какой-то крупный чиновник с красным поясом. Носилки у него зеленого цвета, с желтыми ремнями. У начальника охраны на груди медальон с изображением зверей, а на шапке синий шарик.

Командированный растерялся:

– И что все это значит?

– Судя по цвету носилок, это князь, родственник императорской фамилии. Красный пояс говорит о том, что он дальний родственник, у близких он желтого цвета. На охраннике медальон со зверями, выходит, он военный. Синий шарик означает его чин – полковник. Еще агент сообщил, что с князем привезли на двух верблюдах ямбы, слитки китайского серебра. Это наверняка для оплаты услуг шпионов.

– Снесарев сказал, что китайской разведки не существует. Может быть, потом появится, а сегодня ее нет.

– Андрей Евгеньевич ошибается, – мягко возразил подпоручик. – Она уже есть, пусть и ходит пока на японских помочах. Японцы в минувшую войну многому их научили...

Лыков удивился и порадовался: его сын спорил со своим учителем, знаменитым Снесаревым, от которого был без ума. Но вслух сказал другое:

– Приехал князь, тайно. И привез кучу серебра. Только и всего?

– Ты что? Важная новость. Я должен срочно переслать ее в штаб округа. Китайцы наводнили приграничную полосу своими агентами.

– А где они их берут? Китайца сразу видно, таких шпионов к нам засылать глупо.

Николай ухмыльнулся:

– Это очень умный народ с большим будущим. В том числе и в области секретных служб. Китайцы засылают к нам таких людей, которых не отличишь в толпе. Помнишь, где я живу? В Джаркенте, приграничном городе Семиреченской области. Он особенный. Ты слышал, что мы одно время владели частью Восточного Туркестана?

– Погоди, – остановил сына отец. – Наш Туркестан я представляю, а что такое Восточный?

– Жаль, нет под рукой карты. Но попробую объяснить на пальцах. Он состоит из Джунгарии на севере со столицей в Кульдже и Кашгарии на юге со столицей в городе Кашгар. А между этими «гариями» расположились пустыня Такла-Макан и горная страна Тянь-Шань. Живут в Восточном Туркестане преимущественно мусульманские народы. Для Китая это дикая отдаленная окраина, которой трудно управлять.

– А как мы завладели китайской территорией?

– Просто взяли и ввели войска, в тысяча восемьсот семьдесят первом году. Тогда дунгане, то есть принявшие мусульманство китайцы, восстали против маньчжур. И под горячую руку разорили русскую факторию в Кульдже. Мы тут же воспользовались этим. Захватили север Джунгарии, так называемую Илийскую область, а заодно и горные перевалы Тянь-Шаня.

– Николка, а для чего мы это сделали? Нельзя было наказать бунтовщиков, не захватывая их земли?

– Нам хотелось туда зайти, вот и нашли повод. Восточный Туркестан – удобный плацдарм для наступления хоть на Китай, хоть на Индию...

– А Снесарев говорит, что Индия неуязвима с севера и востока! – перебил сына Алексей Николаевич.

– Старая песня. Еще в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году полковник Локкарт обследовал долину Читрала на памирско-индийской границе. И пришел к выводу, что крупные войсковые соединения русских не смогут пройти там даже летом. Я читал этот доклад.

– Вот видишь. А ты говоришь – плацдарм.

– Потому говорю, что не согласен с Локкартом и Снесаревым. Я сам проехал весь Тибет и знаю, что русской армии это по силам. Даже горную артиллерию можно протащить. Особенно южнее Читрала, через Гилгит.

– То-то ты там чуть без рук не остался, – пробурчал папаша.

Сын машинально подул на белые кончики пальцев и продолжил:

– Так вот. Простояла наша армия в Илийской долине двенадцать лет, до восьмидесяти третьего года. А потом мы ушли обратно за старую границу. Вместе с нами, опасаясь маньчжурского возмездия, откочевали в русские пределы шестьдесят тысяч дунган, казахов и таранчей²³. Вот для последних наше правительство и выстроило прямо в чистом поле целый город – Джаркент.

---

²³ Таранчи – прежнее название уйгуров.

Что было дальше? Китай вернул свои прежние территории и назвал их Синьцзян, то есть Новая линия. И теперь эта девятнадцатая провинция Поднебесной – жаркое место противоборства разведок: нашей, британской, китайской, японской, турецкой, а теперь еще и германской. Я – активный участник тайной войны. Прикомандирован к Третьему Западно-Сибирскому стрелковому батальону, казармы которого в Джаркенте. Вроде бы для усиления строевого кадра, а на самом деле заведу секретным разведывательным пунктом. Который не указан ни в одном справочнике Военного министерства.

Мы начали с того, как китайская тайная служба вербует агентов для операций в России. Помнишь? Дунгане, казахи и таранчи перебежали к нам. Но так поступили не все, многие остались и являются теперь цинскими подданными. Рода и семьи разделились: половина у нас, половина у них. Они катаются друг к другу в гости, или перегоняют скот туда-обратно, или торгуют. Фронтир²⁴ прозрачный, надзор за ним плохой. Вот из таких ездовых и вербуют китайцы себе агентов. Верить тут можно лишь своим, русским. Все остальные под подозрением.

– Даже твои любимые казахи?

– Разумеется. Любой купец, отправляющийся на ту сторону, согласится передать письмо или рассказать о наших кордонах. За пару серебряных кругляшей.

– А контрразведка у китайцев есть?

– Куда же без нее? У меня недавно агент на той стороне погиб. Китаец, кстати.

– Своих предавал? – скривился коллежский советник.

– Нет, он боролся с захватчиками, с маньчжурами. За независимый от них Китай. Этот человек помогал мне не за деньги, а за идею, платы не брал. Одновременно он состоял членом тайного общества «Гэлаохой» – «Общества старшего брата». Весьма закрытая организация, существующая аж с семнадцатого века, когда северяне подчинили себе всех остальных.

– И твой идейный агент погиб?

Подпоручик нахмурился:

– Погиб ужасной смертью. Маньчжуры бросили его в солонорезку. Человека изрезало на куски. Вот такие там нравы.

– Голова кругом от шпионских дел, – сознался Алексей Николаевич. – Но я проделал путь не ради них, мне надо искать убийцу капитана Присыпина. Скажи, Ботабай вернулся из Семипалатинска?

– Да, это он привез монгола.

– Новости есть?

– Есть, и очень необычные. Но сначала давай поедим ухи.

– Ухи? – удивился коллежский советник. – Здесь, в солонцах?

– Я же обещал угостить тебя стерлядями в Семипалатинске, помнишь? Бота купил полдюжины корышей²⁵. Сейчас Павел Балашов, мой денщик, их варит. Скоро позовет.

– А откуда взялся твой денщик?

– Павел живет тут уже вторую неделю, с тех пор как я уехал тебя встречать. Помогает казахам в работе, он любит что-нибудь мастерить. А так человек штучный. Смелый, сообразительный и ловит на лету. Не столько сапоги мне чистит, сколько помогает по службе. Ему еще год остался на действительной. Хочу, когда снимет погоны, предложить ему остаться. Сделаем из Паши джаркентского мещанина и назначим моим негласным помощником.

Скоро их и правда позвали. Позади юрты на костре кипела уха. Расторопный малый в партикулярном платье расставлял на столе деревянные миски и оловянные чарки. Русский, веснушчатый, он казался легкомысленным балагуром. Денщик притулил рядом бутылку водки и спросил у Ботабая с подначкой:

---

²⁴ Фронтир – граница.

²⁵ Корыш – мелкая стерлядь, водящаяся в Иртыше.

– Тебе тоже стаканчик?

Тот сердито зыркнул и ничего не ответил. Аргын был серьезен, даже взволнован. Но его начальник не подавал виду. Он наелся ухи, дал насладиться отцу, русские выпили по чарке. Ботабай похлебал без особого интереса и ждал, когда можно будет начать разговор. К удивлению Лыкова, денщик сидел с ними за одним столом, пил и ел наравне. Видимо, он действительно был для сына важным человеком, если офицер сажал нижнего чина вместе с собой.

Только когда все наелись, Лыков-Нефедьев приказал:

– Докладывай.

Ганиев сразу начал с главного:

– Вася Окаянный не убивал капитана.

– Вот как? Ну, мы и раньше это подозревали. Дело рук англичан, все ясно.

– Не так уж и ясно. Появились новые сведения. Они указывают на Жоркина.

Подпоручик чуть не выронил чарку.

– Присыпина зарезал Яшка Жоркин? С какой стати?

– Иван Лаврентьевич у него опиумный караван перехватил.

– Ну и что? Чай, не первый.

– Не первый, – согласился казах. – Но очень крупный. Жоркин много денег потерял. Вот и разозлился.

– Откуда такие сведения? – усомнился разведчик.

– Уголовники играли в пивной «Беловодье» на бильярде. Помнишь такое заведение?

– В бедняцком поселке? Присыпин говорил про него, что это притон.

– Так и есть. А мой человек подслушал. Ребята очень веселились и сказали буквально следующее: здорово Яков Севастьянович всех провел, капитана списал, а на Васю повесил. И теперь их караванам никто не помеха.

Лыков-Нефедьев задумался, потом протянул:

– М-м... Разговор в пивной... Это еще ничего не доказывает.

Сыщик энергично возразил:

– Важнейшие сведения очень часто так и приходят. Кто-то сболтнул, а освед услышал. Что тебя смущает?

– Иван Лаврентьевич сообщил мне перед смертью, что перевербовал одного из помощников Куныбая Каржибаева. И тот сообщил, что Куныбай замышляет убить капитана. Причем так, чтобы было похоже на месть уголовников.

– И в чем противоречие? Резидент так и сделал. Нанял Жоркина, у которого были к полицмейстеру свои счета. А «иван» воспользовался случаем и подставил Васю Окаянного, чтобы заодно избавиться от конкурента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.